

МАРА СВЕТЛАНОВА

МОСТ
ИЗ ЛЖИ

Мара Светланова

Мост из лжи

<https://litres.ru/74422459>

SelfPub; 2026

Аннотация

Садовница Лада Берест умеет выращивать дома и улицы из обломков непрожитых решений. Но новый квартал отказывается расти, пока два враждующих берега поддерживают удобную ложь. Единственный мост держится на записи о погибшей женщине, а её сестра Яра вынуждена снова и снова подтверждать неправду ради безопасности тысяч людей.

Чтобы спасти города, Ладе и Яре придётся научиться отличать честность от жестокого признания, заботу — от контроля, а общую цель — от права решать за всех. Их медленное сближение проходит проверку профессиональным соперничеством, ясными границами и поступками. Ведь новый мост сможет появиться лишь там, где люди признают цену своих решений и сохраняют право не соглашаться.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Город, который не взошёл	5
Глава 2. Мостостроительница с другого берега	21
Глава 3. Обломки выбора	35
Глава 4. Первая честная доска	47
Глава 5. Чайная у корней	61
Глава 6. Приказ о закрытом саде	76
Глава 7. Тропа несовпадений	97
Глава 8. Дом из несказанного «нет»	114
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Мара Светланова

Мост из лжи

От автора

Эта история выросла из простого вопроса: может ли правда соединять людей, если её используют как пропуск и оружие? В мире Лады Берест города рождаются из решений, от которых кто-то когда-то отказался, а мосты слышат не слова, а разницу между сказанным и намеренным.

«Мост из лжи» — роман о ремесле, доверии и праве выбирать собственное будущее. Здесь нет безошибочных людей: есть взрослые женщины, которые умеют отвечать за сделанное, признавать цену молчания и строить общее не вместо разногласий, а через них.

Книгу лучше читать неторопливо. Её главная магия проявляется не в чудесах сада, а в последствиях маленьких решений — тех, из которых однажды складывается дорога на другой берег.

Глава 1. Город, который не взошёл

К рассвету земля должна была подняться стенами.

Лада Берест пришла на пустырь затемно, когда фонари вдоль набережной ещё горели, а река Лемна казалась не водой, а широкой полосой серого стекла. За рекой мерцали редкие окна Каменного Берега. Между двумя городами висел мост — длинный, тёмный, с единственной сторожевой лампой над центральным пролётом. Издали лампа выглядела неподвижной звездой, которую кто-то по ошибке прикрепил слишком низко.

На этом берегу пахло мокрой глиной, древесным дымом и корицей из материнской чайной. В обычное утро Лада позволила бы себе постоять у ограды, согреть руки о чашку и посмотреть, как город просыпается вокруг сада. Сегодня до прихода переселенцев оставалось меньше трёх часов.

Она отперла калитку нового участка и сразу поняла: что-то не так.

Земля молчала.

Не просто лежала неподвижно — это случалось перед каждым большим ростом. Она не отвечала на присутствие садовницы. Под подошвами не было знакомого слабого гула, словно далеко внизу катили тележку с камнями. Медные метки на грядках не запотели. Даже выюнок, которым Лада вчера обвела будущую площадь, не повернул к ней листья.

— Доброе утро, — сказала она участку, снимая перчатку.
— Давай без обид. У нас и так мало времени.

Ответом был сухой шорох тростника у канавы.

Пустырь занимал бывший складской двор между старой стеной Левобережья и рекой. Здесь предстояло вырастить двадцать четыре дома, общую прачечную, две мастерские и крытую галерею, по которой зимой можно было дойти до водоразборной башни. Не дворец, не триумфальную арку, не очередное здание Совета с лестницей шире, чем зал. Просто квартал, где семьи, потерявшие жильё после весеннего оползня на Каменном Берегу, могли бы перестать ночевать в амбарах и комнатах для сезонных рабочих.

Лада опустила на колено у центральной гряды и приложила ладонь к земле.

Холод вошёл под кожу быстро, почти обжёг. Глубже лежал корневой круг: шесть медных дуг, двенадцать каналов для воды и триста восемьдесят четыре семени-осколка, разобранных по происхождению и силе. Каждое когда-то было решением, которое человек не принял. Не сказанное вовремя «останусь». Не осуществлённое «уеду». Дом, который собирались построить. Дверь, которую хотели закрыть. Решения не исчезали бесследно. Иногда они годами сидели в человеке, а потом выпадали прозрачным осколком — из кармана, из письма, из сна. Семенщики очищали их, садовники учили расти.

Но только с разрешения владельца или того, кто унасле-

довал последствия.

По крайней мере, так Лада вела свои сады.

Она нащупала первый осколок. Тёплый. Второй — тоже. Третий отозвался тихим толчком, полным упрямого желания иметь окно на восток. Семена были живы. Вода в каналах стояла на нужной отметке. Медные дуги не сместились.

И всё же корневой круг не принимал приказа расти.

Лада вынула из внутреннего кармана печать садовницы. Небольшой круг из тёмной бронзы удобно ложился в ладонь. На одной стороне был вырезан лист береста, на другой — незамкнутая линия улицы. Когда-то мастер сказал ей, что хороший садовник никогда не замыкает линию до конца: городу нужно оставить выход, даже если ты уверен в плане.

Она вставила печать в углубление между дугами.

— Первый посев, — произнесла Лада. — Назначение: жильё и ремесло. Право роста подтверждаю. Последствия принимаю в пределах садового устава.

Бронза потеплела.

По гряде пробежала тонкая золотистая нить. На миг Лада увидела будущий квартал так ясно, будто он уже стоял перед ней: невысокие дома с ветвящимися балконами, водостоки в форме раскрытых листьев, площадь, чуть покатая к реке, чтобы дождевая вода уходила в накопители. В одном дворе женщина развешивала бельё. На ступеньке мальчик чинил деревянную лодку. Из мастерской пахло стружкой.

Потом нить почернела.

Не погасла, а именно почернела — от центра к краям, как фитиль, по которому бежит невидимый огонь. Земля под ладонью вздрогнула. Сразу на всех грядах раздался тонкий стеклянный звон.

— Нет.

Лада выдернула печать.

Поздно. Из земли один за другим показались ростки: чёрные, ломкие, с острыми листьями. Они поднялись на ладонь и замерли. По пустырю прошла трещина, ровная, будто проведённая линейкой. Она пересекла будущую площадь, скользнула под оградой и направилась к набережной.

К мосту.

Лада вскочила и побежала следом. У самой ограды трещина остановилась, но чёрная жилка продолжилась на медной пластине водовода. Пластина была связана с общей городской сетью, а сеть — с мостовыми опорами. Такого не должно было быть. Сад мог отвергнуть семена, назначение, даже садовницу. Он не мог искать причину за пределами участка.

Позади хлопнула калитка.

— Я принесла синие бирки, — сказала Нева Рунь. — И не благодари. Благодарность до завтрака портит характер.

Она вошла боком, удерживая на бедре деревянный ящик. На её сером рабочем платье темнели пятна от масла, короткие волосы были перевязаны шнурком. Увидев ростки, Нева остановилась.

— Это не наши, — сказала она.

— Наши.

— Я проверяла партию трижды.

— Я тоже.

Нева поставила ящик на сухой участок и присела у ближайшего ростка, не касаясь его.

— Цвет не от гнили. При гнили был бы синий край. И запах.

Лада вернулась к гряде. Теперь она чувствовала запах: не плесень и не горелую медь, а холодный камень после дождя. Так пахли мостовые арки, если пройти под ними сразу после закрытия переправы.

— Они отозвались на водовод, — сказала она.

Нева посмотрела туда, где чёрная линия упиралась в ограду.

— Ты дала печатью полный приказ?

— В пределах устава.

— Я не спрашивала, правильно ли ты заполнила формулу.

— Полный.

Нева медленно выдохнула. Они спорили часто и с удовольствием, но сейчас её лицо осталось серьёзным.

— Тогда участок увидел противоречие выше твоего права.

— Здесь нет права выше печати садовницы.

— Значит, противоречие не здесь.

Лада снова посмотрела на мост. Сторожевая лампа над центральным пролётом погасла; начинался день. По пере-

праве уже двигались телеги с мукой и углём, фигурки людей сходились к середине двумя неравными цепочками. Перед въездом каждый называл цель пути. Мост не требовал одинаковых желаний. Один мог ехать продавать дороже, другой — купить дешевле, и доски спокойно держали обоих, пока слова совпадали с намерением. Но стоило назвать дружбу, собираясь навредить, или обещать возвращение, заранее решив исчезнуть, — створки не открывались. Иногда под лжецом всего лишь скрипела доска. Иногда мост возвращал его на тот же берег, сколько бы он ни шёл.

Лада прежде считала это неудобным, но справедливым устройством.

Сегодня мост вмешался в её сад.

— Совет прислал подтверждение на квартал вчера вечером, — сказала она. — Оба берега согласовали переселение.

Нева подняла одну из медных бирок. На ней стояли номер семени, имя прежней владелицы и короткая строка согласия.

— Бумага согласовала. Сад, похоже, читал не бумагу.

С набережной донёсся стук колёс. Первая повозка свернула к пустырю. Под брезентом торчали ножки стульев, рулоны матрасов и детская деревянная лошадь без одного уха. Рядом шла женщина в слишком лёгком для утра платке, держа за руки двух сонных девочек.

Лада закрыла глаза.

Она готовила этот участок четыре месяца. Ходила по временным ночлежкам, измеряла мебель, записывала ремёсла

жильцов, спорила с водным управлением из-за напора на верхних этажах. Вчера она сказала людям привозить вещи. К полудню первые стены должны были набрать высоту человеческого роста, к вечеру — укрыть от дождя хотя бы половину семей.

На пустыре торчали чёрные побеги.

— Поставь ширмы, — попросила она Неву.

— От людей или от начальства?

— От ветра. Людям я скажу сама.

Нева коротко кивнула и пошла к сараю за полотнищами.

Женщину у повозки звали Мила. Лада помнила её заявку: стекольщица, двое детей, мать с больными коленями, инструменты спасены, печь утрачена. Мила оглядела пустырь, чёрные ростки и лицо Лады. Девочки спрятались за её юбкой.

— Сегодня не поднимется? — спросила она.

Лада могла сказать, что произошла обычная задержка. Что к вечеру всё исправят. Что детям не о чем беспокоиться. Такие слова успокаивали, и почти всегда находился способ сделать их правдой задним числом.

Но рядом был мост. Даже отсюда Лада чувствовала его внимание в холоде медной пластины.

— Я не знаю, — ответила она. — Посев отвергнут, причина пока не на участке. До выяснения я не позволю разгружать вещи на землю. В старом питомнике сухо; я попрошу открыть западный павильон ещё на три ночи.

Мила поджала губы.

— Нам говорили, сегодня будет дом.

— Я говорила.

— Значит, вы ошиблись.

Ладе хотелось добавить: не только я. Показать на Совет, на мост, на согласования с печатями трёх управлений. Вместо этого она сказала:

— Да.

Чёрные ростки на центральной гряде тихо хрустнули. Один раскрылся, и среди острых листьев показалась тонкая зелёная прожилка.

Нева, тянувшая ширму вдоль ограды, это увидела. Ничего не сказала, лишь приподняла бровь.

Мила тоже заметила перемену.

— Три ночи, — произнесла она. — Не больше. Моя мать там не выдерживает сырость.

— Я приду в питомник до полудня и скажу, что удалось узнать.

— Даже если ничего?

— Особенно если ничего.

Повозка развернулась. За ней уже подъезжали другие. Лада повторила объяснение семь раз, потом ещё пять. Кто-то сердился, кто-то молча кивал, кто-то спрашивал, не отдали ли их участок более богатым семьям. Она отвечала одинаково: посев не состоялся; причина неизвестна; вещи останутся под крышей; следующее сообщение — до полудня. К деся-

тому разговору слова стали гладкими, почти служебными, и Ладе пришлось следить, чтобы за этой гладкостью не исчезал смысл.

Последней пришла седая женщина с корзиной луковиц. Услышав про отсрочку, она вынула одну луковицу и положила у калитки.

— Это ещё зачем? — спросила Нева, когда женщина ушла.

— Сказала, дому нужен кто-то, кто умеет ждать под землёй.

— Разумно. Возьмём её в Совет вместо нынешних.

Словно услышав, нынешний Совет прислал посыльного.

Мальчишка в зелёной куртке остановился у калитки, протянул Ладе сложенный вчетверо лист и попросил расписаться на дощечке. На внешней стороне письма стояла сухая печать Велены Орс — председательницы городской комиссии по связям берегов. Внутри было всего четыре строки.

Совет уже знал о неудачном посеве.

Ладе предписывали немедленно повторить запуск, не допускать «неподтверждённых толкований происшествия» и явиться в Малый зал к девяти часам. Внизу другой рукой было добавлено: задержка квартала создаёт риск беспорядков среди временно размещённых граждан.

— Быстро, — сказала Нева, заглянув через плечо. — Мы ещё даже беспорядки не организовали.

— В этом и состоит наша недоработка.

— Повторять будешь?

Лада посмотрела на зелёную жилку в чёрном ростке. Она появилась после признания ошибки. Не после правильной формулы, не после нажима печати. Сад услышал разницу между тем, что было удобно сказать, и тем, что она действительно знала.

— Нет.

Она написала на обороте распоряжения: «Повторный посев до установления причины может уничтожить семенной фонд и повредить водовод». Ниже поставила время и свою подпись.

Посыльный прочёл, заметно огорчился тому, что записка стала длиннее, и уехал.

— Я разберу осколки, — сказала Нева. — Проверю согласия ещё раз и отделию те, что откликнулись на почернение.

— Ничего не вынимай из круга без меня.

— Я семенщица, Лада, а не ворона на блестящем.

— Именно поэтому и прошу.

Нева задержала на ней взгляд, затем кивнула.

В Малый зал Лада шла через утренний рынок. Торговцы разворачивали навесы, булочник выставлял корзины, у водяной колонки спорили две прачки. Город был таким обычным, что неудача на пустыре казалась личной и почти стыдной. Над крышами медленно поднималось солнце. Оно зажгло верхние окна Совета и добралось до моста.

Там что-то блеснуло — не сторожевая лампа, а узкая по-

лоса свежего металла на центральной опоре. Рядом стояла фигура в синевато-зелёном плаще мостовой службы Каменного Берега. Женщина держала ладонь на перилах, будто слушала их.

Лада замедлила шаг.

Фигура подняла голову. На таком расстоянии невозможно было различить лицо, но Ладе показалось, что незнакомка смотрит прямо на неё. Потом по мосту прошёл низкий звук, похожий на вздох огромного деревянного зверя.

Створки со стороны Каменного Берега закрылись.

Телеги остановились. Люди заговорили разом. Через минуту раскрылись снова, но тревога уже прокатилась по набережной быстрее любой официальной вести.

Велена Орс ждала Ладу одна.

Малый зал назывался так только по сравнению с Большим. В нём легко поместились бы все семьи с пустыря, но у длинного стола стояло всего два кресла. Окна выходили на реку. Велена сидела спиной к мосту и просматривала бумаги, не скрывая седины в тёмных волосах. Она всегда одевалась просто, почти сурово, словно хотела доказать, что власть не нуждается в украшениях.

— Садовница Берест, — сказала она. — Вы отказались выполнить прямое распоряжение.

— Я отказалась повторить действие, которое уже дало опасный результат.

— Ростки почернели. Это неприятно, не опасно.

— Трещина вышла на общий водовод.

Велена отложила бумагу.

— Уверены?

— Да.

— Кто ещё видел?

Вопрос прозвучал слишком быстро.

Лада села без приглашения и положила печать на стол.

Бронзовый круг оставил на полированной древесине влажный след.

— Нева Рунь. Прибывшие жильцы видели чёрный рост.

Связь с водоводом — пока только мы.

— Так пусть так и останется до заключения комиссии.

— Почему?

— Чтобы двести человек не решили, что мост проклял их будущие дома.

— Мост не умеет проклинять.

— Люди умеют бояться без точных терминов.

Это было правдой, и потому спорить стало труднее. Велена никогда не требовала очевидной жестокости. Она предлагала удобный порядок действий, в котором каждое отдельное ограничение выглядело временным и разумным.

— Официальное согласование переселения действительно? — спросила Лада.

— Разумеется.

— Оба берега намерены оставить переправу открытой на время строительства?

Велена не ответила.

За окном проплыл речной грузовик с низкой трубой. Его гудок заполнил паузу и исчез вниз по течению.

— На следующей неделе назначено плановое обследование центрального пролёта, — сказала председательница.

— Я спросила не об обследовании.

— Формулировки распоряжений Совета не входят в вашу работу.

— Они вошли в мой корневой круг.

Велена поднялась и подошла к окну. Теперь рядом с её отражением виднелся мост. По переправе снова ехали телеги, но медленнее, чем утром.

— Каменный Берег рассматривает ограничение движения, — сказала она наконец. — Временное. Только для тяжёлых грузов и новых переселений. Это одна из мер, не принятое решение.

— А людям сообщили, что их селят сюда при открытой переправе. Многие работают там.

— Именно поэтому квартал должен быть выращен сейчас. Когда у людей есть крыша, они спокойнее воспринимают перемены.

Лада почувствовала холод, тот же, что шёл от почерневших ростков. Совет хотел получить дома до того, как объявит условия, способные изменить для жильцов сам смысл переселения. Формально согласие существовало. Намерение уже расходилось с ним.

— Сад не станет закреплять решение, принятое без них.

— Сад исполнит вашу печать.

— Сегодня не исполнил.

Велена повернулась. Усталость на её лице была настоящей.

— Если переправа закроется полностью, без жилья останутся не двести человек, а гораздо больше. Поставки на оба берега зависят от одного пролёта. Паника способна разрушить то, что пока держится. Я не прошу вас лгать.

— Вы просите не говорить правду до тех пор, пока она перестанет что-либо менять.

— Я прошу вас вырастить дома.

Лада провела большим пальцем по краю печати. В бронзе хранились годы обучения, право вести собственный участок, подписи мастеров, доверивших ей городскую землю. Печать не была наградой. Она была рычагом: маленький круг позволял одному человеку задавать форму улиц, по которым будут ходить тысячи. Лада всегда оправдывала это тем, что слушает лучше других.

Сегодня земля отказалась считать её слушание достаточным.

— Мне нужен доступ к мостовым журналам, — сказала она. — Все изменения за последние десять дней, включая распоряжения Каменного Берега. И человек, который отвечает за центральную опору.

— Это отдельное управление.

— Теперь уже нет.

Велена вернулась к столу.

— Сколько времени?

Лада хотела попросить неделю. За неделю можно было заново проверить происхождение осколков, обследовать водовод, поговорить с семьями и не принимать решений в спешке. Но западный павильон питомника был сырой. У Милы мать с больными коленями. Через три ночи обещали дождь.

— Три дня.

— Через три дня участок либо начинает рост, либо переходит под прямое управление Совета. Печать вы сдадите комиссии до окончания разбирательства.

Лада ощутила, как внутри поднимается привычный ответ: вы не можете, это мой сад, я отвечаю за него. Первый был неправдой, второй — не совсем правдой, третий как раз означал, что последствия придётся принять.

— Запишите условие полностью, — сказала она. — Вместе с доступом к журналам и специалисту по опоре.

Велена позвонила в маленький колокольчик. Из соседней комнаты вошла секретарь.

Пока та записывала договорённость, Лада смотрела на мост. Женщина в синевато-зелёном плаще теперь стояла у ближней арки. Она сняла перчатку и прижала ладонь к камню. Даже через окно было видно, как по опоре разошлась тонкая светлая трещина.

Женщина быстро закрыла её металлической скобой.

В тот же миг печать Лады на столе стала ледяной.

Секретарь вздрогнула: чернила в её чернильнице покрылись прозрачной корочкой.

Велена первой отвела взгляд от окна.

— Яра Таль, — сказала она. — Старшая мостостроительница Каменного Берега. Она будет на вашем участке сегодня после полудня.

— Она знает о закрытии?

— Она знает о мосте больше, чем говорит.

— Это рекомендация или предупреждение?

— Пока не знаю.

Такой ответ Лада слышала от председательницы впервые.

Она забрала печать и вышла из Совета. На площади уже торговали горячими лепёшками, звонили трамвайные колокольчики, спорили из-за цены на уголь. Обычный день окончательно начался.

У пустыря её ждали семьи, Нева и двадцать четыре невзшедших дома.

На мосту — женщина, чья работа, возможно, не позволяла им взойти.

Лада сжала холодную печать в ладони и пошла обратно к саду. У неё было три дня, чтобы заставить город расти.

И впервые она не была уверена, что имела право приказывать ему.

Глава 2. Мостостроительница с другого берега

Яра Таль пришла без свиты, но принесла с собой половину моста.

Так показалось Ладе, когда высокая женщина в синевато-зелёном плаще остановилась у калитки. На её плече висел узкий ящик с инструментами, на поясе — связка плоских ключей, похожих на рыбу чешую. От одежды пахло речной водой, железом и той особенной сыростью, которая жила под арками даже в сухие дни.

За спиной Яры пустырь уходил к набережной. Мост отсюда был виден между крышами: светлый центральный пролёт, две каменные арки и тонкая линия перил. Когда Яра сняла перчатку, чтобы предъявить служебную пластину, по дальнему устою пробежал тусклый отблеск.

Лада не сразу протянула руку за пластиной.

— Вы опоздали на сорок минут.

— Я закрывала трещину, которую ваш посев вывел к опоре.

— Мой посев остановился на водоводе.

— Водовод проходит в мостовом основании.

— Он проходит под половиной Нижнего города.

— Но треснула моя половина.

Яра говорила спокойно, без нажима. Это раздражало сильнее, чем если бы она явилась с обвинением. У неё было смуглое узкое лицо, тёмные волосы собраны на затылке медной скобой, а у левой брови белел короткий старый шрам. Не красавица с парадных рисунков о дружбе берегов, решила Лада. На тех рисунках мостовиц изображали непременно улыбающимися и совершенно чистыми. У Яры под ногтями темнела каменная пыль.

— Лада, — позвала Нева от корневого круга. — Центральный осколок опять звенит.

Лада взяла служебную пластину. На ней значилось: «Яра Таль, старшая мостостроительница, центральная связка». Ниже стояли печати обоих берегов. Последняя строка давала право останавливать работы в пределах мостовой тени.

— Тень заканчивается у набережной, — сказала Лада.

— Сегодня — здесь.

Яра указала на землю. От калитки к почерневшей гряде тянулась почти незаметная светлая нить. Лада присела и коснулась её костяшкой пальца. Под тонким слоем почвы что-то дрогнуло. Нить была продолжением трещины, но не садовой: в ней чувствовался ровный привкус извести, железных скоб и многолетней тяжести.

— Вы провели связку через городской водовод, — сказала Лада.

— Связка существовала раньше вашего квартала.

— На плане её нет.

— На вашем плане.

Они выпрямились одновременно.

За оградой уже собрались любопытные. Кто-то из переселенцев пришёл за новостями раньше обещанного полудня. Двое садовых подмастерьев делали вид, что поправляют ширму, хотя полотно давно стояло ровно. Лада ощутила, как разговор превращается в представление, где каждая из них обязана защищать своё ведомство.

— В сарае есть стол, — сказала она. — Журналы принесли?

— Их нельзя выносить с моста.

— Совет предоставил мне полный доступ.

— Получите его на мосту.

— Я не оставлю семена без надзора.

— Тогда я обследую трещину и уйду.

На центральной гряде тонко лопнул ещё один чёрный стебель. Светлая нить под ногами стала шире на волос.

Яра посмотрела на неё. Лада — на Яру.

— Прекрасное начало совместной работы, — заметила Нева. — Земля уже пытается разойтись, чтобы вам обоим хватило места.

Лада подняла ладонь, не оборачиваясь.

— Полчаса здесь, — сказала она. — Потом я иду с вами за журналами. Нева останется у круга. Вы не прикасаетесь к семенам без моего разрешения.

— Вы не воздействуете печатью на связку без моего раз-

решения.

— Если она угрожает участку, воздействую.

— Тогда я сейчас закрываю участок как часть аварийной зоны.

Светлая нить хрустнула.

Звук был негромким, но люди за оградой отступили. По грунту прошла трещина, пересекла дорожку и упёрлась в круглую плиту посева. Бронзовая печать у Лады на груди стала холодной.

Яра мгновенно опустилась на колено и приложила два пальца к разлому. Свободной рукой она открыла ящик, не глядя вынула короткий клин и бросила Ладе.

— Вбейте поперёк нити.

— Это садовая земля.

— Через три удара будет мостовая пустота.

Лада поймала клин. Металл был тёплым, будто его только что держали над огнём. Она приставила остриё к краю трещины и ударила рукоятью секатора. Раз. Земля ответила низким гулом. Два. Из разлома пахнуло речным туманом. На третьем ударе Яра сказала:

— Стойте.

Лада остановила руку в ладони от клина.

Яра закрыла глаза. Её пальцы побелели от напряжения. Светлая нить медленно обвилась вокруг металла, как корень вокруг камня, и затихла.

— Теперь три, — сказала мостостроительница.

После третьего удара разлом не исчез, но перестал расширяться.

За оградой заговорили все сразу. Нева отправила подмастерьев отвести людей к западному навесу и поставила чайник — её обычный способ показать, что мир ещё не кончился.

Яра села прямо на землю. На виске у неё выступил пот.

— Вам плохо? — спросила Лада.

— Нет.

Трещина дёрнулась.

— Это был вопрос, на который можно ответить без ведомственной тайны.

— Мне не плохо. Я устала.

Трещина успокоилась.

Лада медленно опустилась рядом. Реакция могла быть случайностью, но садовые случайности обычно повторялись, если их правильно спросить.

— Вы считаете мой посев причиной аварии?

— Частичной причиной.

Ничего.

— Вы знали, что связка проходит под участком?

Яра посмотрела на светлую нить.

— Я знала, что она может искать новый упор.

Чёрные ростки за их спинами зашелестели, хотя ветер стих.

— Не тот вопрос, — сказала Лада.

— У нас нет договора о допросе.

— У нас вообще нет договора.

— Именно это мост сейчас и показывает.

Яра поднялась. Лада заметила, что на миг та перенесла вес на ящик с инструментами, словно без опоры могла пошатнуться. Но уже через секунду мостостроительница стояла прямо.

Они перенесли стол из сарая на открытое место. Нева принесла три чашки и демонстративно осталась рядом. Яра не возражала. Она разложила листы обследования, схему водовода и собственный рабочий планшет из тонких деревянных планок, скреплённых проволокой.

На официальной схеме мостовая связка заканчивалась у набережной. На рабочей — расходилась под Нижним городом сетью бледных линий. Одна шла точно к будущему кварталу.

— Почему этого нет в переданных планах? — спросила Лада.

— Потому что связка меняет путь.

— Камень не меняет путь.

— Мост — не камень.

Яра провела ключом вдоль линии.

— Его арки из камня, настил из дерева, сердечник из решений тех, кто пользуется переправой. Когда берега согласны хотя бы в том, зачем им нужен путь, нагрузка распределяется между опорами. Когда намерения расходятся, связка

ищет место, где решение ещё не закреплено.

— Мой участок.

— Ваш участок.

— Дома не вошли не из-за плохих семян. Мост забрал незакреплённые решения как подпорку.

— Не забрал. Сцепился с ними.

— Людям от этого легче спать в сыром питомнике?

— А людям на обоих берегах будет легче, если центральный пролёт упадёт?

Светлая нить снова хрустнула.

Нева поставила чашку на стол.

— Если эта штука питается от вашего способа разговаривать, — сказала она, — к вечеру у нас будет каньон.

Яра впервые улыбнулась. Улыбка вышла быстрой, почти виноватой, и сразу изменила её лицо.

— Она питается не ссорой, — сказала мостостроительница. — Несовпадением между сказанным и намерением.

— То есть ссориться честно безопаснее? — уточнила Нева.

— Часто.

— Наконец-то ремесло, для которого у меня врождённый дар.

Лада не улыбнулась. Её занимала схема.

— Совет намерен ограничить движение, — сказала она. — Каменный Берег уже принял решение?

Яра сложила ладони вокруг чашки, но не отпила.

— Моя задача — удерживать переправу.

— Это не ответ.

— Другого я не уполномочена давать.

По кромке стола пробежала тонкая трещинка. Яра накрыла её пальцем, и та остановилась.

Лада увидела движение. Увидела и то, как мостостроительница избегает смотреть в сторону самого моста.

— Значит, вы пришли не помочь кварталу, — сказала она.

— Вы пришли использовать его как запасную опору.

— Я пришла не позволить двум системам разрушить друг друга.

— Ценой чьего решения?

— Пока — моего времени и ваших трёх дней.

— Пока.

Сад отозвался сухим шелестом. Яра отняла руку от стола.

— Я предлагаю техническое перемирие, — сказала она.

— До завтрашнего вечера мы не считаем ни мост, ни квартал главнее. Сначала разводим связку и корневой круг. Вы предоставляете происхождение каждого осколка решения. Я — журналы нагрузки за десять дней и доступ к нижней галерее. Любое воздействие проводим только вдвоём.

— И сообщаем людям, что происходит.

— После того как поймём, что происходит.

— Им уже обещали дома при открытой переправе. Не получится снова решить, что правду удобнее выдать после.

Яра долго молчала. Мост вдалеке оставался неподвиж-

ным, но ключи на её поясе едва слышно звенели.

— Сообщаем подтверждённое, — произнесла она. — Посев связан с неисправностью переправы. Срок решения неизвестен. До обследования людям предложат временное размещение. Предположения о закрытии я публично не подтверждаю и не опровергаю.

— Удобно.

— Проверяемо.

Это было правдой. Неполной, но очерченной так ясно, что Лада могла показать людям границу.

— До завтрашнего вечера, — согласилась она. — Потом договор пересматриваем.

— Согласна.

— Нева присутствует при работе с семенами и получает копии записей об их отклике.

— Согласна.

— Если обнаружится непосредственная угроза людям, каждая из нас может остановить работу без разрешения другой.

Яра задумалась.

— Согласна, если остановка не включает новое воздействие.

Лада протянула руку.

Мостостроительница посмотрела на неё так, словно рукопожатие было самым рискованным пунктом договора. Потом сняла правую перчатку.

Ладонь у неё оказалась в мелких белых шрамах. Когда их пальцы соприкоснулись, печать Лады потеплела. В корневом круге один почерневший побег распрямился. Светлая трещина не закрылась, зато её края перестали крошиться.

А мост за крышами издал короткий чистый звук.

Яра резко выдернула руку.

— Что это было? — спросила Лада.

— Подтверждение связи.

— Договоры всегда так отзываются?

— Достаточно точные.

Последние слова прозвучали ровно, однако ключи на поясе Яры задрожали сильнее. Она прижала их ладонью.

Нева сделала вид, что занята чайником.

До полудня они работали молча. Лада вскрывала внешний край корневого круга деревянной лопаткой, Яра уставляла тонкие измерительные иглы вдоль светлой нити. Нева называла происхождение осколков: отказ мастера продать мастерскую, несостоявшийся переезд учительницы, отложенное решение семьи завести второй сад. Каждый осколок отзывался своим цветом.

Возле одного — мутно-синего, размером с ноготь — все иглы разом наклонились к мосту.

— Чей? — спросила Яра.

Нева сверилась с реестром.

— Безымянный. Из старого городского хранилища. Пометка: «Решение основателей, общественное пользование».

— Без согласия на новый посев? — спросила Лада.

— С печатью Совета.

— Я спрашиваю не о печати.

Нева нахмурилась.

Осколок лежал среди сотен других, и всё же вокруг него земля оставалась незамёрзшей. Лада накрыла его стеклянным колпаком, не касаясь.

— До выяснения не используем, — сказала она.

— Он может быть единственным достаточно старым решением, чтобы развести системы, — возразила Яра.

— Или тем, из-за чего они сцепились.

— Тогда тем более его нужно исследовать.

— Исследовать — да. Сеять — нет.

Яра кивнула после короткой паузы.

Это было первое её согласие, в котором Лада не услышала скрытого условия.

К полудню у калитки снова собрались переселенцы. Лада вышла к ним вместе с Невой. Яра осталась у стола, пока Мила не спросила:

— А мостовая служба будет говорить или только слушать?

Мостостроительница застегнула ящик и подошла.

Лада объяснила, что квартал и переправа оказались связаны неисправностью, поэтому повторный посев пока опасен. Не стала обещать, что дома появятся через три дня. Назвала время следующего сообщения — завтра после вечернего обследования. Яра подтвердила связь и временный договор

служб.

— Мост закроют? — спросил пожилой корзинщик.

Яра посмотрела на Ладу, потом на людей.

— Сейчас переправа открыта, — сказала она. — Ограничения на завтра мне не объявлены. О решениях Совета я сообщать не уполномочена.

Кто-то недовольно загудел. Но трещина у калитки не двинулась.

После разговора Яра собрала инструменты.

— Идём за журналами, — сказала она.

До набережной они шли рядом, оставляя между собой полшага. Лада замечала, как прохожие узнают плащ мостовой службы и расступаются. У самой переправы очередь телег растянулась на квартал. Стражники проверяли грузы дольше обычного.

— Ограничений не объявлено, — повторила Лада.

— Проверка — не ограничение по уставу.

— А по времени?

— По времени — да.

Честный ответ прозвучал почти как извинение.

У входа Яра приложила служебную пластину к камню. Створка в основании арки открылась, выпуская холодный воздух. За ней вниз уходила узкая лестница.

Лада шагнула следом, но Яра не двигалась. Она стояла, держась за камень, и смотрела не в галерею, а через реку — на Каменный Берег.

— Передумали? — спросила Лада.

— Нет.

— Тогда почему стоим?

Яра сняла связку ключей и протянула ей.

— Если внизу погаснут полосы, приложите самый длинный ключ к левой стене. Не ко мне. Что бы ни показалось.

— Что может показаться?

— Что я нуждаюсь в помощи.

Лада не взяла ключи.

— А вы не будете нуждаться?

Внизу, под ступенями, глухо ударила вода. В тот же миг по мосту прошла дрожь. Яра побледнела, но пальцев от камня не убрала.

— Я не могу уйти далеко от центральной связки, — сказала она. — Для нашей работы этого достаточно.

— Почему не можете?

— Это не входит в техническое перемирие.

Трещина над дверью медленно раскрылась на ширину волоса — и тут же закрылась, когда Яра добавила:

— Пока.

Она снова протянула ключи.

Лада приняла их. Металл оказался тёплым, как клин на пустыре, но один ключ — самый длинный — обжигал холодом.

— До завтрашнего вечера, — напомнила Лада.

— До завтрашнего вечера, — согласилась Яра.

Они начали спуск.

Над ними продолжали идти люди, катились телеги, звенели упряжи. Мост держал их вес и делал вид, что его тайна — всего лишь нагрузка, которую можно правильно распределить.

Лада уже знала: это была ложь.

Хуже было другое. Пока эта ложь удерживала переправу.

Глава 3. Обломки выбора

Нижняя галерея пахла мокрым камнем, железом и чем-то сладковатым, похожим на раздавленные корни аира. Лада шла следом за Ярой, считая ступени. На двадцать седьмой длинный ключ в её ладони стал холоднее. На тридцать первой по левой стене вспыхнули тонкие молочные полосы.

— Не прикладывать ключ, пока они горят, — напомнила Яра.

— Я помню инструкцию.

— Вы слышали её меньше минуты назад.

— Именно поэтому пока помню особенно хорошо.

Яра оглянулась. В полутьме трудно было понять, улыбнулась ли она, но плечи под серым плащом немного расслабились.

Галерея проходила внутри первой береговой опоры. За каменной стеной гремела Лемна; каждый удар воды отзывался в подошвах. Вдоль прохода тянулись светлые жилы мостовой связки. Большинство были толщиной с нить, одна — с палец — уходила под пол в сторону пустыря.

Лада присела возле неё, не касаясь.

— Эта сцепилась с корневым кругом?

— Она искала свободное решение. Нашла несколько сотен.

— Не свободных. Непрожитых.

— Для связки разница обычно несущественна.

— Значит, связку учили плохо.

Яра поставила ящик на каменную полку и вынула складную рамку с натянутыми медными волосками. Закрепила её над жилой, проверила каждый узел и только потом ответила.

— Связку учили удерживать вес. Право собственности в расчёты не входило.

— Удобная инженерия.

— Старая инженерия.

Медные волоски дрогнули. На крайнем выступила синяя капля света — того же мутного оттенка, что был у безымянного осколка.

Яра записала показание в журнал и повернула страницу к Ладе. В таблице стояли дата, час, положение затворов, число телег и отклик каждой опоры. Последняя графа называлась «общественная уверенность». Девять дней подряд там значилось: «неизменна».

— Как вы её измеряете? — спросила Лада.

— По сопротивлению центральной жилы.

— Это измерение связки, а не людей.

— В мостовой службе считается, что одно отражает другое.

— А если мост держится не на том, во что люди верят, а на том, что им велели повторять?

Молочные полосы на стене потускнели. Яра сразу подняла руку, останавливая разговор. Свет вернулся не весь: внизу

остался тёмный промежуток длиной с ладонь.

— Нам пора наверх, — сказала она.

— Из-за вопроса?

— Из-за падения питания.

Ответ был точным и потому не успокаивал.

Яра собрала рамку. Когда наклонилась к ящику, её пальцы на миг сжались на краю полки. Лада удержалась от помощи. Инструкция была ясной, даже если раздражала.

— Вы можете подняться сами? — спросила она.

— Могу.

— Это проверяемое намерение или служебная гордость?

— И то и другое.

Они поднялись медленнее, чем спускались. У двери Яра забрала ключи, пересчитала их и вручила Ладе копию журнала.

— За десять дней, как обещала. Листы с ограниченным доступом отмечены красной нитью.

— И что мне делать с отмеченными?

— Не выносить из мастерской.

— Я думала, вы скажете «не читать».

— Тогда не следовало обещать доступ.

Лада посмотрела на неё внимательнее. За короткое время она успела решить, что Яра превращает каждую фразу в запертую дверь. Оказалось, некоторые двери та всё-таки открывала — просто стояла рядом, пока гость входил.

К пустырю Лада вернулась одна. Нева уже перенесла безы-

мянный осколок в семенную комнату и выставила на стол три коробки архивных карточек. У окна остывал чай, а на полу сидела Мила из переселенок и переплетала порванную корзину.

— Я попросила свидетельницу, — объяснила Нева. — На случай, если общественная собственность снова окажется собственностью троих чиновников и одного шкафа.

Мила подняла руку.

— Я умею молчать о чужом. Но если выяснится что-нибудь про наши дома, молчать не стану.

— Поэтому Нева выбрала вас, — сказала Лада.

Она положила мостовой журнал рядом с карточками. Синий отклик повторялся в нём семь раз — всякий раз незадолго до изменений потока телег. Пять дней назад жилы потянулись к пустырю. Четыре дня назад Совет прислал в сад старые семена. Слишком ровная последовательность для случайности.

Нева надела тонкие кожаные напальчники и сняла стеклянный колпак. Осколок лежал на чёрной ткани, мутный и невзрачный. Только в глубине двигалась синяя искра.

— Начнём с того, чего не делаем, — сказала она. — Не сеем, не раскалываем, не нагреваем, не зовём владельца по имени, пока имени нет.

— Не позволяем печати Совета заменить согласие, — добавила Лада.

Мила затянула прут на корзине.

— А посмотреть можно?

— Можно. Решать за вас по увиденному — нет.

Они установили вокруг ткани четыре чаши: с водой Лемны, землёй обоих берегов и золой старого городского сада. Нева коснулась осколка костяной вилочкой. Искра разделилась надвое. Одна половина потянулась к левобережной земле, другая — к каменной крошке с противоположного берега.

Лада раскрыла первую коробку карточек. В старом реестре семена описывали по цвету и весу, но почти никогда не называли человека, чьё непрожитое решение стало материалом. Вместо имени ставили сословие или должность: пекарь, перевозчица, младший землемер, вдова после весенней воды.

— Они считали, что отказавшийся от решения отказался и от права на него, — сказала Нева.

— Удобно для строителей города.

— И для садовников, — напомнила подруга.

Лада не стала спорить. Её печать была сделана по тому же правилу.

Во второй коробке обнаружилась карточка с синим краем: «Сводный осколок первого межевания. Передан на общественное хранение после завершения основания городов». Ни имён, ни условий передачи. На обороте — выцветшая схема долины, ещё без нынешних названий берегов.

Нева поднесла карточку к чашам. Осколок поднялся над

тканью и отразил на потолок несколько строк, будто солнечный зайчик прошёл по старой рукописи.

Лада прочла вслух:

— «Мы выбираем строить на двух берегах, не деля долину...»

Следующая строка распалась. Потом проступило: «...дорога и вода остаются общими...»

Мила перестала плести.

— Так почему нас теперь называют чужими, когда мы переходим реку?

Ни в одной чаше свет не изменился. Вопрос был честным, но осколок не умел отвечать за последующие поколения.

Нева перевернула карточку к окну.

— Здесь соскоблены имена.

На нижнем поле действительно виднелись короткие борозды. Кто-то удалил не одну подпись, а целый список. Поверх царапин поставили печать Совета.

— Без имён нельзя проверить согласие, — сказала Лада.

— Без имён проще объявить решение общим, — отозвалась Нева.

За дверью раздались шаги. Лада успела накрыть осколок колпаком до того, как вошла Велена Орс.

Председательница Совета носила тёмно-зелёное платье без вышивки и единственное украшение — цепь из семи плоских печатей. За ней остановились секретарь и двое городской стражи. Стражники остались у порога, но от этого

семенная комната не стала просторнее.

— Хорошо, что вы уже нашли нужный материал, — сказала Велена.

Она поздоровалась с Милой по имени. Лада заметила, как женщина выпрямилась: председательница умела помнить людей и пользовалась этим точнее, чем иные — угрозами.

— Мы нашли осколок с неясным происхождением, — сказала Лада. — Это не одно и то же.

— Его происхождение яснее большинства ваших запасов. Решение основателей долины.

— Чьи имена соскоблены.

Велена посмотрела на карточку без удивления.

— Имена удалили после учреждения общего Совета, чтобы ни одна семья не объявила себя наследницей долины.

— А согласие на будущие посевы?

— Решение было передано городу.

— Здесь написано «на хранение».

— Вы хотите спорить о предлоге, когда двадцать четыре семьи живут под временной крышей, а мост теряет опору?

Лада посмотрела на Милу. Та держала корзину обеими руками, будто готовилась заслониться ею от следующей фразы.

— Я хочу знать, имеем ли мы право воспользоваться чужим выбором, — сказала Лада.

— Вы пользуетесь чужими выборами каждый рабочий день.

Это попало точно. Печать на груди стала тяжёлой.

Велена подошла к столу, не прикасаясь к колпаку.

— Основание двух городов выросло из этого решения. Оно уже однажды выдержало различие берегов. Посейте его в корневой круг, и связка получит общий упор. Дома взойдут, мост останется открыт. Именно ради такого случая существует ваша должность.

— Если решение было «не делить долину», почему после его первого применения появились два города?

Секретарь перестал писать.

Велена ответила не сразу.

— Потому что намерение не гарантирует результата. Вам это известно лучше многих.

— Тогда вы просите повторить действие, последствий которого мы не понимаем.

— Я прошу выполнить распоряжение.

Председательница вынула из кармана сложенный лист. Внизу стояли шесть печатей и оставалось место для седьмой — садовой.

— Посев сегодня до заката. Мостовая служба обеспечит разведение жил. Отчёт представите утром.

Нева встала между столом и секретарём.

— Я не выдам осколок без записи происхождения.

— Выдадите по акту Совета.

— Тогда в акте будет указано, что владельцы не установлены и согласие не подтверждено.

— Укажите.

Велена говорила спокойно. Именно это пугало сильнее всего: она не скрывала пробела, а считала его допустимой ценой.

— Мила, — сказала Лада, — вы хотели не молчать, если речь пойдёт о ваших домах. Что вы слышали?

Велена нахмурилась.

— Это не собрание.

— Поэтому я спрашиваю не решения, а свидетельство.

Мила медленно поставила корзину на пол.

— Я слышала, что Совет хочет вырастить нам жильё из старого обещания, которое уже один раз обернулось не так. И что спросить тех людей нельзя, потому что их имена стёрли. Ещё слышала, что мост может упасть.

— Верно, — сказала Лада.

— А если вы не посеете, мы опять останемся без домов?

— До проверки — останетесь.

Сказать это оказалось труднее, чем спорить с Советом. Мила закрыла глаза, выдохнула и кивнула.

— Тогда не говорите потом, будто мы сами выбрали подождать. Я не выбирала. Я просто теперь знаю, почему вы тянете.

Осколок под колпаком вспыхнул. Свет ударил в чаши, и земля обоих берегов одновременно дала по тонкому белому корешку. Они потянулись не друг к другу, а к Миле.

Все молчали.

Нева первой наклонилась над столом.

— Он отозвался не на согласие.

— На что? — спросил секретарь.

Лада смотрела на два корешка.

— На решение, принятое при названной цене. Мила не согласилась ждать. Но признала, что ожидание сейчас происходит и кто за него отвечает.

Велена проследила взглядом за белыми нитями.

— Тем более материал пригоден.

— Для исследования. Не для посева по приказу.

Председательница протянула лист.

— К закату, Лада.

— Нет.

Слово прозвучало негромко. Печать на груди обожгла кожу, но стеклянный колпак остался цел, а стены — неподвижны.

— Это отказ от распоряжения Совета? — спросила Велена.

— Это остановка работы при непосредственной угрозе, предусмотренная нашим временным договором с мостовой службой. Происхождение семени не установлено, последствия повторного применения неизвестны. До заката мы проверим архив межевания и проведём пробу без посева.

— Я не утверждала ваш договор.

— Но мостовая служба утвердила. Если отмените его сейчас, ответственность за воздействие на аварийную связку

станет вашей.

Впервые спокойствие Велены дало трещину. Совсем небольшую: большой палец прижал край приказа.

— До заката, — повторила она. — После я потребую либо результат, либо вашу печать.

Она ушла, забрав стражу и неиспользованную строку для подписи.

Мила подняла корзину.

— Вы правда можете лишиться должности?

— Правда.

— И всё равно не посеете?

Лада посмотрела на осколок. В нём горело красивое решение: не делить долину. Им можно было оправдать и общий мост, и общую власть, и очередное молчание тех, кому предстояло жить в выращенных домах.

— Не сегодня и не так, — сказала она.

Нева убрала приказную карточку в отдельный конверт и надписала: «Требование применения без подтверждённого согласия». Потом поставила рядом три пустых журнала.

— Это зачем? — спросила Мила.

— Чтобы начать реестр заново. Имя, решение, условия передачи, право отозвать. И последствия каждого использования.

— На сотни семян?

— На сотни.

Мила вздохнула, села обратно на пол и подтянула к себе

первый журнал.

— Писать я умею медленно. Зато разборчиво.

Лада открыла мостовой журнал на странице с первым синим откликом. До заката оставалось меньше пяти часов. Им предстояло найти людей, которых два города целое столетие старательно превращали в безымянных основателей.

Но теперь у них было не только запрещённое семя.

У них появился первый свидетель новой записи.

Глава 4. Первая честная доска

До заката оставалось четыре часа, а Яра Таль не отвечала на записку.

Лада послала вторую — короче первой и без печати Совета: «Проба без посева. Нужны две распорные жилы, измерительная рамка и ваше проверяемое намерение». Потом закрыла семенную комнату на два замка, оставила Неву с Милой разбирать старый реестр и вышла к мосту с пустым ящиком для инструментов.

Безымянный осколок она не взяла. Велена ждала, что к вечеру он окажется в земле и сделает за живых людей всю трудную работу. Лада решила проверить обратное: можно ли дать связке временный упор не готовым великим обещанием, а несколькими малыми решениями, за которые отвечают те, кто их произносит.

На подъёме к мостовой площади торговцы уже сворачивали навесы. По обычным дням движение не прекращалось до темноты, но теперь поперёк въезда стояли козлы с синими флажками мостовой службы. Телеги выпускали с правого берега по одной, новых не впускали. Люди собирались у ограждения и спрашивали, когда откроют путь. Дежурная повторяла: «После проверки опор», — одинаковым голосом, будто от точности фразы зависела кладка.

Яра стояла на первом пролёте возле снятого настила. Во-

круг неё лежали доски, медные скобы и клубки молочно-белых жил. Записку Лады она зажала под ремешком наруча.

— На первую я тоже собиралась ответить, — сказала она вместо приветствия. — Но вы прислали вторую раньше.

— Значит, способ работает.

— Для вызова мостостроительницы — возможно. Для ремонта моста пока нет.

Под настилом открывалась тёмная решётка связки. Одна поперечная жила лопнула, соседняя побелела от напряжения. Ниже текла Лемна, широкая и спокойная с высоты, но у быков вода заворачивалась тугими серыми воронками.

Лада поставила ящик подальше от края.

— Совет требует до заката посеять решение основателей.

— Знаю.

— Откуда?

— Для посева под связкой мостовая служба должна развести жилы. Приказ пришёл раньше вашей записки.

Яра произнесла это без торжества. Всё же Лада почувствовала себя участницей партии, правила которой лежали перед соперницей открытыми, а ей выдавались по одному после каждого хода.

— Вы согласились?

— Я потребовала расчёт воздействия. Совет его не предоставил.

— Это не ответ.

— Это проверяемый факт. Разведение не начато.

Внизу, между балками, прошёл слабый звон. Яра присела и приложила два пальца к белой жиле. Та перестала дрожать.

— Мосту не нравится наш разговор? — спросила Лада.

— Мосту не нравится простаивать с раскрытым настилом. Не приписывайте ему человеческую обидчивость.

— А общественную уверенность приписывать можно?

Яра подняла взгляд.

— Поэтому вы здесь?

— Я хочу заменить доску без осколка. Использовать только намерения тех, кто работает, и посмотреть, что именно примет связка.

— Дерево она принимает без намерений.

— Тогда почему эта доска треснула вдоль здорового волокна?

Лада показала на снятую половицу. Трещина шла от края к середине, огибая сучки. По обе стороны древесина оставалась крепкой. Такой след оставляло решение, которое долго заставляли изображать опору: материал не гнил, а расходился по линии внутреннего несогласия.

Яра провела ногтем вдоль щели.

— Допустим. Как выглядит ваша проба?

Лада вынула из ящика четыре тонких рейки, садовый мел и мешочек влажной земли. Рейки она вырезала из молодой ивы, выросшей на пустыре из решений переселенцев остаться в долине хотя бы до зимы. Ни одно не обещало любви к городу, вечной верности берегу или даже спокойствия. Лю-

ди просто решили не уходить сегодня.

— Две рейки положим поперёк разрыва, — сказала она. — Вы назовёте действие, которое готовы выполнить до заката. Я назову своё. Не убеждение, не чувство и не обещание на всю жизнь. То, что можно проверить. Если волокна соединятся, поставим рабочую доску.

— А если нет?

— Зафиксируем провал и вернёмся к расчётам.

— Совет заберёт вашу печать.

— Это не часть пробы.

— Это её цена.

Лада помолчала. Мила недавно заставила её понять разницу между согласием и признанной ценой. Отказываться от этой разницы при первом же личном неудобстве было бы слишком похоже на Совет.

— Да, — сказала она. — Если до заката у нас не будет результата, Велена потребует мою печать. Я намерена не сеять безымянный осколок, даже если проба провалится.

Ивовая рейка в её руке потеплела. На срезе выступила зелёная точка.

Яра заметила её и отвернулась к ограждению.

— Закройте участок, — приказала она дежурной. — Полностью. И пришлите Элю с журналом свидетельств.

Через несколько минут у пролёта остались четыре человека: Лада, Яра, молодая мостовая писчица Эля и пожилой мастер с левого берега, которого Яра представила как Клена.

Он должен был проверить крепёж, не участвуя в магической части работы. Свидетельство отделили от решения; Ладе это понравилось.

Яра разложила измерительную рамку над раскрытой связкой. Медные волоски показали нагрузку на боковых жилах и почти пустую среднюю дугу. Лада насыпала в щель земли с двух берегов, не смешивая кучки, и положила первую рейку.

— Намерение должно относиться к мосту? — спросила Яра.

— К работе, которую мы действительно можем закончить вместе.

— «Я намерена не дать мосту рухнуть» подойдёт?

— Нет. Это желание результата, а не ваше действие. И оно позволяет оправдать что угодно.

Клен кашлянул в кулак, пряча улыбку. Яра не посмотрела на него.

— Тогда вы первая, садовница.

Лада положила ладонь на рейку. Можно было сказать: «Я найду безопасный способ». Красиво, широко и совершенно непроверяемо. Можно — «я спасу квартал», но квартал пока существовал лишь сеткой колышков на пустыре. Она выбрала меньшее.

— До заката я проведу пробу без посева и запишу её результат в новый реестр — независимо от того, поможет он мне сохранить должность или нет.

Зелёная точка на срезе развернулась тонким усиком. Он

прошёл по древесине до середины щели и остановился.

Эля записала фразу дословно, затем время и имена свидетелей.

Яра опустилась на колени с другой стороны. Её рука легла на рейку не сразу.

— До заката я не начну разведение жил для посева без расчёта воздействия и лично проверю каждое крепление этой доски.

Второй усик вырос быстро, встретился с первым и обвинил его. Ивовая рейка прогнулась, стала шире, заполняя трещину. Земля по краям смешалась сама — не в одну массу, а в чередующиеся тёмные и светлые полосы.

Рамка звякнула. Средняя дуга приняла часть нагрузки.

— Держит, — сказал Клен.

— Пока соединение свежее, — отозвалась Яра. — Дайте боковое усилие.

Он закрепил на рейке рычаг и нажал. Усики натянулись, но не разошлись. При втором нажиме один из них поблел.

— Мало, — сказала Яра.

— Потому что наши действия заканчиваются в закат, — предположила Лада. — Доска должна служить дольше.

— Тогда нужны намерения о сроке службы.

— Нет. Срок службы — свойство доски. Нам нужны действия, которыми мы будем за неё отвечать.

Клен отпустил рычаг.

— У обычной половины есть осмотр раз в семь дней и имя мастера на нижней стороне.

— А если мастер увольняется? — спросила Лада.

— Передаёт участок по журналу.

Яра вынула из связки побелевшую жилу и отрезала повреждённый конец. Из-под её наруча показался узкий старый шрам, уходивший вверх по запястью. Она сразу запахла рукав.

— Я внесу доску в недельный обход и не передам участок без отдельной проверки этой связки, — сказала она.

Усики позеленели, но рамка почти не изменилась.

Лада добавила:

— Если решение, из которого выросла рейка, будет отозвано владельцем, я заменю материал и запишу последствия изъятия.

Теперь медный волосок поднялся на две отметки.

— Вот и всё, — сказала Эля, не отрываясь от журнала. — Мост хочет хорошего учёта.

— Мост ничего не хочет, — одновременно ответили Лада и Яра.

Они посмотрели друг на друга. Клен всё-таки рассмеялся.

Первая рейка была только швом. Для рабочей половины требовалась доска, способная принять шаги, колёса и неизбежную человеческую привычку забывать условия, на которых что-либо построено. Клен принёс сухую заготовку из мостового вяза. На нижней стороне стояли его имя, дата за-

готовки и знак участка. Лада добавила мелом происхождение ивовых реек и номер нового реестра.

Они работали рядом, не мешая друг другу. Яра размечала гнёзда для скоб; Лада проводила корни через древесину так, чтобы те не заменяли крепёж, а только связывали его с принятыми решениями. Когда Ладе понадобилось дотянуться до дальней жилы, Яра молча протянула страховочный пояс.

— Закрепите сами, — сказала она.

— Вы не доверяете своему узлу?

— Доверяю вашему праву проверить, как вы привязаны.

Лада продела ремень, затянула пряжку и дёрнула дважды. Только после этого Яра пристегнула второй конец к несущей скобе. Ни забота, ни осторожность не потребовали благодарности.

С площади донёсся спор. Кто-то требовал пропустить телегу с лекарствами, кто-то отвечал, что на правом берегу тоже ждут муку. Дежурная снова повторила фразу о проверке опор. Мост откликнулся слабой дрожью, словно множество неслышанных причин добралось до него сквозь камень.

— Нам нужен вес, — сказала Лада. — Не мешки. Люди.

— Участок закрыт.

— Мы проверяем не настил отдельно. Мы проверяем путь.

Яра посмотрела на толпу, потом велела Эле привести двух добровольцев — по одному с каждого берега — и предупред-

дить их о риске. Пришли пекарь Сава, которому нужно было вернуть пустые лотки, и лекарская помощница Тея с деревянным ящичком. Оба торопились. Оба сперва согласились на всё, лишь бы их пропустили.

— Нет, — остановила Лада. — Скажите, что именно вы намерены сделать на другой стороне. И что будет, если вы не перейдёте сейчас.

Сава нахмурился.

— Верну лотки и заберу утреннюю закваску. Если не перейду, первая выпечка задержится. Никто не умрёт, но работницы придут затемно и будут ждать.

Ивовые швы под доской потеплели.

Тея прижала ящик к боку.

— Отнесу настойку в дом у старой водокачки. Если не успею, боль у госпожи Асты усилится. Это не смертельно. Но ей незачем терпеть из-за того, что Совет и служба не могут договориться.

На слове «смертельно» одна жила дрогнула, на последней фразе успокоилась.

Яра записала показания рамки.

— По одному, — сказала она. — Ступайте только на новую доску и сразу назад.

— Но мне нужно на тот берег, — возразила Тея.

— Испытание не является разрешением на переход.

— Тогда моё намерение не выполнится.

Доска тихо щёлкнула. Вдоль её края появилась волосная

трещина.

Лада посмотрела на Яру.

— Мы просим честно назвать действие, а потом сами не даём его совершить.

— Полный пролёт не проверен.

— Назовите условие, при котором пропустите её.

— Если новая доска выдержит двойную расчётную нагрузку, а остальные опоры не покажут падения, я открою пеший проход для срочных нужд до вечернего закрытия.

Трещина на доске остановилась.

— Кто определяет срочность? — спросила Тея.

— Дежурная по перечню службы.

Трещина двинулась дальше.

Яра сжала губы.

— Дежурная вместе с человеком, который просит пройти. При разногласии причина записывается, отказ подписываю я.

Щель стянулась. На месте трещины остался зелёный рубец.

Клен установил рычаг, затем положил на доску два мешка с крепёжным камнем. Сава и Тея прошли по очереди. Рамка держала среднюю дугу ровно. Когда на настил ступили одновременно Клен и Яра, показатели поднялись к расчётной черте и замерли.

— Двойная нагрузка, — объявила Эля.

Яра дала дежурной приказ открыть узкую пешую полосу.

Тея ушла первой, почти бегом, но на новой доске всё-таки замедлилась. Сава отправился за ней. У ограждения люди начали обсуждать, чья нужда достаточно срочна. Голоса были недовольными, живыми и разными. Мост не дрожал.

Лада присела у рамки. Первая честная доска принимала нагрузку лучше соседних, хотя была связана всего четырьмя конкретными намерениями. Значит, безымянный осколок не был единственным способом укрепить путь. Велена могла назвать опыт слишком малым, временным, непригодным для целого города — и была бы отчасти права. Но теперь спор начинался не с пустого отказа.

— Мне нужна копия журнала до заката, — сказала Лада.

— Получите после подписи свидетелей.

— И расчёт для Совета.

— Предварительный.

Яра наклонилась к рамке, чтобы снять показания с центральной жилы. В это мгновение со стороны города ударил вечерний колокол — один раз, отмечая час до заката.

Медные волоски разом прижались к стеклу.

Из глубины моста пришёл низкий гул. Не от новой доски: звук поднялся под ногами, пробежал к центральному пролёту и там оборвался. Люди на пешей полосе остановились. Дежурная потянулась к синему флажку.

— Не закрывать, — приказала Яра. — Нагрузка в пределах допуска.

Она сказала это уверенно, но кровь отхлынула от её лица.

Лада увидела на рамке невозможное. Боковые жилы просели, новая связка сохранила свои значения, а центральная опора стала крепче. Не на одну-две отметки — сразу на семь. Молочная нить под настилом налилась светом и потянулась к Яре, словно слышала не произнесённое вслух намерение.

— Что вы сейчас решили? — спросила Лада.

— Ничего, относящегося к пробе.

Центральный волосок поднялся ещё выше.

— Это неправда.

— Я не произносила проверяемого утверждения.

— Мост всё равно ответил.

Яра закрыла крышку рамки. Гул стих не сразу.

— Опора всегда усиливается к вечернему обходу.

— В журнале за десять дней такого нет.

— В копии могли отсутствовать промежуточные показания.

— Вы обещали доступ.

— К журналу, а не ко всему, что связывает меня с мостом.

Слова прозвучали жёстко, но за ними Лада услышала не угрозу. Просьбу остановиться там, где продолжение причинит вред, о котором она пока не знает.

Она могла надавить. Через час Велена потребует результат или печать; семь делений центральной опоры стоили больше любой предварительной записки. Но проба только что доказала: правда, добытая без согласованных условий, не становилась хорошим основанием лишь потому, что была

правдой.

— Тогда зафиксируем границу, — сказала Лада. — Вы не обязаны объяснять личную связь сейчас. Но если она влияет на расчёт безопасности, вы обязаны назвать сам факт влияния.

Яра долго смотрела на закрытую рамку.

— Влияет, — сказала она наконец. — Я не могу покинуть мост, не передав вечернее дежурство определённым образом. Сегодня передать его некому.

Центральная опора потеряла одно деление, но удержала шесть.

— Это всё?

— Это всё, на что я согласна сейчас.

— Хорошо.

Лада протянула Эле журнал. Та записала отдельной строкой: «Руководительница участка сообщила о личном условии вечернего дежурства, влияющем на центральную опору; содержание условия не раскрыто; для расчётов считать неустранённой зависимостью». Яра прочла, исправила «тайной» на «неустранённой» и подписала.

Потом перевернула новую доску настолько, насколько позволяли скобы, и выжгла на нижней стороне четыре имени: Лада Берест, Яра Таль, Клен Сор, Эля Нис. Рядом оставила место для тех, кто примет следующий обход.

— Первая честная доска? — спросила Эля.

— Первая учтённая, — сказала Яра.

— Это менее красиво.

— Зато проверяемо, — ответила Лада.

К закату у неё были копия журнала, образец живого шва и временный протокол пешего прохода. Печать всё ещё висела у неё на груди, нагретая тревогой. Безымянный осколок оставался под двумя замками. А под центральным пролётом продолжала светиться чужая несказанная фраза — достаточно сильная, чтобы держать мост, и слишком опасная, чтобы считать её просто личным делом Яры.

Лада уходила к пустырю, когда за спиной вновь загудела опора. Она не обернулась.

Теперь она знала две вещи.

Мост можно было укреплять честностью, если у честности имелись срок, действие и тот, кто отвечал за последствия.

И самая прочная его часть по-прежнему держалась на том, чего никто не соглашался назвать.

Глава 5. Чайная у корней

У чайной Руты не было вывески. Её заменяли корни старой липы: они обнимали нижний этаж, входили в стену и снова выходили наружу, образуя вдоль крыльца широкую скамью. Если в Левобережье говорили «встретимся у корней», никто не спрашивал, у каких именно.

К тому времени, когда Лада добралась туда от моста, на скамье уже не осталось места. Женщины стояли под навесом, держали детей на руках, подпирали корзинами дверь. От мокрых плащей пахло речной водой, шерстью и золой. Внутри звенели чашки.

Лада остановилась на нижней ступени. Она ожидала увидеть Милу и ещё нескольких переселенок с Каменного Берега. Здесь же собрались не меньше сорока человек, причём половина была с левобережными лентами на рукавах.

— Опоздала, — сказала Рута из дверей. — Значит, будешь слушать стоя.

Мать не спросила ни о Совете, ни о мосте. В одной руке у неё был чайник, в другой — деревянная ложка, которой она указала дочери место у печи. Там обычно сушили дрова. Сегодня поленья вынесли во двор, а на кирпичах сидели две девочки Милы.

Лада сняла мокрую куртку, повесила её на крюк и заметила на ближайшем столе свой чертёж квартала. Лист был

прижат сахарницей и четырьмя разномастными кружками. По краям уже появились пометки углём.

— Кто принёс? — спросила она.

— Я, — ответила Мила. — У сторожа висела копия.

— Это рабочий чертёж.

— А жить нам не в рабочем квартале?

Рута поставила перед Ладой пустую чашку.

— Сначала чай, потом должностное возмущение. Чай бесплатный. Возмущение тоже, но его сегодня и без тебя хватает.

За столами засмеялись. Не зло, но Лада почувствовала, как привычная готовность объяснять превращается во рту в сухую шелуху. Она налила себе чай и не стала забирать чертёж.

У дальней стены поднялась высокая женщина с красными от стирки руками. Её звали Дея; Лада помнила это по списку переселенцев.

— На плане одна общая прачечная, — сказала Дея. — Двадцать четыре дома, семьдесят три взрослых, детей никто толком не посчитал. Один котёл. Одна сушильная галерея. Кто будет решать очередь?

— Управляющая квартала, когда вы её выберете.

— Значит, сначала вы выращиваете тесную прачечную, а потом мы выбираем женщину, на которую все будут кричать.

— Площадь считали по расходу воды.

— По чьему расходу?

Лада знала ответ: по городской норме. Норма предполагала, что часть белья семьи отдают в артель, что воду подают шесть часов в день и что на одного ребёнка приходится половина взрослого расхода. На Каменном Берегу артель сгорела после оползня, вода шла с песком, а дети почему-то не соглашались пачкать половину рубахи.

— По старой норме, — сказала она. — Она здесь не подходит.

Печать под рубашкой чуть остыла. Простое признание не заставило стены светиться и не сделало чертёж лучше. Но Дея села, не отводя взгляда.

— Запишите два котла, — сказала она. — Или место под второй. Мы сами решим, когда его ставить.

Нева, устроившаяся у окна с книгой учёта, обмакнула перо.

— «Место и подвод воды для второго котла», — повторила она. — Требование Деи Ладож, прачки. Кто возражает?

— Я, — отозвалась левобережная женщина в зелёном платке. — У нас летом напор падает даже без нового квартала. Если им дадут второй котёл, у верхней улицы вода перестанет доходить до третьих этажей.

Гул поднялся сразу. Кто-то сказал, что «им» воду не дадут, кто-то напомнил о налоге Каменного Берега на мост, кто-то потребовал сперва починить старую водокачку. Рута ударила ложкой по краю медного таза.

— По одному. Здесь можно перебить только чайник, и то

если готовы купить новый.

— Как вас зовут? — спросила Нева женщину в платке.

— Орина Веж. Я слежу за подачей на верхней улице.

— Записываю не возражение против второго котла, а условие: новый расход нельзя подключать без проверки напора и плана усиления водовода.

— Я не это сказала.

— Тогда скажите точнее.

Орина помолчала.

— Я не хочу, чтобы нас сделали виноватыми, когда переселенкам не хватит воды. Труба старая. Она не знает, с какого мы берега.

На этот раз никто не ответил сразу. Под ногами Лады один из липовых корней едва заметно расправился, будто ему стало просторнее.

Рута заметила движение и нахмурилась.

— Только не вздумай растить мне чайную во время собрания.

— Я ничего не делаю.

— Вот это меня и тревожит.

Нева записала слова Орины дословно. Рядом появилась первая связка: два котла — проверка напора — усиление трубы до подключения. Это уже напоминало не просьбу и не спор, а условие, которое можно было проверить.

Следующей заговорила Мила. Она развернула чертёж и прижала ногтем угол одного из домов.

— Здесь лестница.

— Здесь везде лестницы, — сказала Лада.

— У моей матери больные колени. У Деи отец после обвала ходит с палкой. Нам сказали, что семьи поселят жребием. Если выпадет верхний этаж, мы должны будем меняться и ещё благодарить того, кто согласится?

Лада наклонилась над планом. Дома росли вокруг общего двора, нижние помещения предназначались для мастерских и кладовых. Так улица получалась живой, а жильё не съедало рабочее пространство. В школе садовников это называли разумной плотностью.

На чертеже разумная плотность выглядела как двенадцать ступеней между пожилой женщиной и её кроватью.

— Можно перенести часть мастерских наверх, — сказала Лада. — Но тогда придётся усилить перекрытия и изменить время роста.

— Насколько?

— На два дня, возможно, на три.

— Говорили, у вас три дня на весь квартал.

В чайной стало тихо. Совет любил сроки именно за это: короткое число легко превращало любое обсуждение в роскошь.

— Три дня мне дала Велена, — ответила Лада. — Сад не давал такого срока. И вы его не давали.

Печать нагрелась. Не магией — кожей, прижатой к бронзе. Лада сняла шнурок через голову и положила знак рядом

с чертежом.

Входная дверь открылась. Внутри вошла Яра Таль.

Она остановилась на пороге, увидев толпу и печать на столе. Синяя мостовая куртка была расстёгнута у горла; на плечах блестели капли. За спиной у неё ждала Эля с папкой журналов.

— Я принесла копию расчёта, — сказала Яра. — Если встреча закрытая, оставляю у хозяйки.

— Встреча не закрытая, — ответила Рута. — Но последняя сухая табуретка занята.

Яра посмотрела на подоконник, на мокрый пол и выбрала место у двери.

— Я постою.

Лада почувствовала нелепое облегчение. Следом пришла настороженность: Яра представляла службу Каменного Берега, а здесь как раз собирались обсуждать путь на работу.

— Мы не голосовали, можно ли ей присутствовать, — заметила Дея.

— Верно, — сказала Лада.

— Я могу выйти, — сказала Яра. — Расчёт останется.

Нева подняла руку, останавливая несколько голосов.

— Предлагаю условие. Яра присутствует при обсуждении моста, не получает список личных решений и не использует сказанное как согласие на проект. Возражения?

Дея посмотрела на Яру.

— А если мы скажем, что ваш порядок перехода нам не

подходит?

— Я запишу причины и отвечу на них, — сказала Яра. — Согласием это считать не буду.

— Тогда оставайтесь.

Эля заняла край ступени, положив папку на колени. Яра осталась стоять.

Разговор о жилье занял почти час. Лада впервые услышала, что две сестры не хотят селиться рядом, хотя в списке шли одной семьёй; что ткачихам нужна восточная стена для утреннего света; что общий двор без ворот удобен для телег, но опасен для малышей; что семьи с Каменного Берега не хотят отдельной улицы «для своих», однако боятся потерять соседскую помощь, если их рассеют по всему Левобережью.

Каждое требование тянуло квартал в другую сторону. Печать могла бы прекратить спор одним нажатием. Лада умела вырастить лестницы положе, двор уже, мастерские выше, галерею длиннее. Она не умела сделать всё одновременно, не назвав, кто заплатит пространством, временем или удобством.

Когда речь дошла до дороги на работу, спор снова разделил комнату надвое.

— Временный проход только для срочных нужд ничего не решает, — сказала Мила. — Мне завтра к первой плавке. Если опоздаю ещё раз, мастер возьмёт другую стекольщицу.

— В пять утра мост закрыт, — ответила Яра. — Ночного состава не хватает для проверки двух полос.

— Мне не нужны две. Мне нужна одна.

— Одна полоса всё равно требует дежурной, осмотрщицы крепежа и человека у сигнального каната.

— А чай возить можно? — спросила Рута.

Яра моргнула.

— Что?

— Мой поставщик с Каменного Берега приезжал до рассвета. Теперь мешки лежат на складе, а я покупаю втридорога у перекупщика. Чай — срочная нужда?

— По действующему перечню нет.

— Стекло?

— Тоже нет.

— Тогда ваш мост соединяет две лечебницы и ни одного города.

Несколько человек засмеялись, но Яра не обиделась. Она попросила у Эли журнал и раскрыла страницу временного порядка.

— Сегодняшняя проба показала, что мост лучше держит путь, когда человек называет реальное действие и последствия отказа, — сказала она. — Перечень службы этому мешает. Я могу открыть одну полосу перед первой сменой, если найду троих дежурных и если путники согласятся назвать цель перехода для записи.

— Перед всеми? — спросила тихая женщина у окна.

Лада узнала Весу, швею, которая в списках просила отдельную комнату, хотя жила одна.

— Нет, — сказала Лада раньше Яры. — Цель может быть личной.

Яра закрыла журнал.

— Тогда мостовая служба должна знать только действие, влияющее на нагрузку: идёт человек на работу, несёт товар, сопровождает ребёнка. Подробности не нужны.

— И кто решит, достаточно ли это уважительно? — спросила Веса.

— Никто, — ответила Яра. — Проверяем не уважительность, а совпадение пути со сказанным. Но порядок надо испытать.

— На нас, — сказала Мила.

— С вами, если согласитесь.

Эта поправка была маленькой. Лада всё равно её услышала.

Орина предложила прийти на мост как сигнальщица до начала своей смены у водовода. Дея сказала, что умеет проверять канаты после работы в прачечной. Третьей вызвалась Рута.

— Нет, — сказала Лада.

Мать даже не повернула головы.

— Причина?

— Ты встаёшь в четыре, закрываешь чайную поздно и хромаешь после дождя.

— Всё верно. А ещё я пятнадцать лет принимала поставки на мосту и знаю утренних возчиков по именам.

— Это опасно.

— Поэтому я предлагаю работу, в которой разбираюсь, а не прыжки с опоры.

Лада стиснула чашку. Она хотела защитить мать. Печать на столе делала это желание особенно подозрительным: право решить за целый квартал начиналось с привычки решать за одного близкого человека.

— Я против, — сказала она. — Но запрещать тебе не вправе.

— Вот теперь мы разговариваем, — ответила Рута и повернулась к Яре. — Что нужно выучить к утру?

Яра перечислила сигналы, порядок остановки полосы и условие немедленного закрытия. Рута потребовала письменную памятку крупными буквами. Эля записала.

После этого разговор словно лишился невидимой перегородки. Женщины больше не просили Ладугу построить им хороший квартал. Они называли, что готовы проверять, чем могут поступиться и чего не отдадут. Орина бралась измерить давление ночью и утром. Дея соглашалась на один котёл в первый месяц, если трубы и место для второго будут выращены сразу. Мила могла разметить стеклом безопасные входы, но не бесплатно: её работа должна была войти в смету. Веса предложила шить съёмные перегородки для общей детской комнаты и потребовала замок на собственной двери.

Нева едва успевала писать.

— Это ещё не согласие на посев, — напомнила она.

— А что тогда? — спросила Дея.

— Список условий, при которых вы готовы обсуждать согласие.

— Совет скажет, что мы затягиваем.

Лада посмотрела на бронзовую печать. Незамкнутая линия улицы на ней казалась теперь не знаком роста, а предупреждением. Одно нажатие могло заставить землю принять любой законченный рисунок. Нельзя было только заставить людей считать его своим домом.

Она встала.

— Совет дал мне право выбрать форму квартала одной. Я собиралась использовать это право ради вас. Сегодня я поняла, что «ради вас» слишком легко произнести, когда спрашивать вас некогда.

За окном по стеклу стекала вода. Липовые ветви шуршали по крыше.

— Я не посею квартал по нынешнему плану, — продолжила Лада. — Не возьму ни безымянный осколок, ни другие решения, пока будущие жительницы не увидят цену каждого варианта и не смогут отказаться. Завтра Нева откроет реестр требований. Через два дня мы принесём три возможные схемы: с расходом воды, сроком роста и тем, чем придётся пожертвовать в каждой. Вы выберете порядок выбора. Не я.

— А если Велена снимет вас? — спросила Мила.

— Тогда это тоже будет записано как цена её решения.

Печать на столе дрогнула.

Из-под чертежа показался тонкий белый корешок. Он не потянулся к бронзе, как делали посевные нити, ожидая приказа. Вместо этого прошёл вдоль края листа, коснулся угольных пометок Деи, Орины, Милы и Весы, а затем разделился на множество коротких отростков.

Рута накрыла сахарницу крышкой, спасая её от земли.

— Если уж растишь мне новый стол, — сказала она, — сделай его побольше.

— Это не я.

— И это всё ещё меня тревожит.

Лада присела. Корень не менял чертёж и не выбирал между требованиями. Он только связывал пометки, оставляя между ними пустое место.

Яра подошла ближе, но не коснулась листа.

— На мосту честное несовпадение распределяло нагрузку, — сказала она. — Возможно, здесь происходит то же самое.

— Сад ещё не получил решения.

— Получил. Вы решили не решать одна.

Лада подняла голову. В словах Яры не было ни одобрения, ни утешения — только профессиональное наблюдение. От этого они значили больше.

Белые отростки потемнели до цвета молодой коры. На каждом появился крохотный узел, похожий на нераскрытую почку.

Нева быстро перенесла схему в книгу.

— До утра не трогаем, — распорядилась она. — Имена к требованиям уже привязаны. Согласия на использование личных решений никто не давал.

— Мой стол, — напомнила Рута.

— Ваше согласие тоже запишем.

Собрание закончилось не примирением. Дея всё ещё считала, что левобережцы защищают свои трубы за чужой счёт. Орина не обещала, что найдёт запас давления. Мила боялась потерять работу. Веса ушла раньше остальных и не объяснила почему. Но у каждой просьбы появилось имя, у каждого возражения — причина, а у общего плана — пустые места, которые больше нельзя было заполнить молча.

Когда чайная опустела, Рута собрала чашки в таз. Лада взялась помочь.

— Ты злишься? — спросила она.

— За что именно? У тебя сегодня широкий выбор.

— За то, что я пыталась запретить тебе идти на мост.

— Я злюсь, что ты решила поговорить со мной об опасности при сорока свидетелях. Но рада, что остановилась до приказа.

— Ты правда пойдёшь?

— Правда.

Рута протянула ей полотенце.

— Когда умер твой отец, все вокруг хотели избавить меня от решений. Как будто горе делает человека ребёнком. Мне выбирали, когда открыть чайную, кому продать его инстру-

менты, где тебе учиться. Они заботились. Я едва не задохнулась от этой заботы.

Лада вытерла чашку и поставила её вверх дном.

— Я не хочу быть похожей на них.

— Тогда не будь. Одного обещания мало, но для начала сойдёт.

У двери ждала Яра. Эля уже ушла относить памятку в мостовую службу. В руках Яра держала папку с расчётом.

— Утренняя проба не отменяет ваших обязательств перед Советом, — сказала она Ладе.

— Знаю.

— Велена получит уведомление до рассвета.

— От вас?

— От Эли. С моей подписью. И с указанием, что без раннего прохода расчёт снабжения квартала неполон.

Это не было обещанием поддержать Ладу. Яра лишь брала на себя ту часть последствий, которая относилась к мосту.

— Спасибо, — сказала Лада.

— Не за что. Если проба провалится, я закрою полосу.

— А если получится?

— Тогда у Совета станет одной удобной причиной меньше.

Яра положила папку рядом с печатью. Их пальцы не встретились; между ними осталась ширина ладони. Лада вдруг ясно ощутила эту меру — не как расстояние, которое хотелось немедленно сократить, а как место, оставленное для выбора.

Снаружи снова начался дождь. Яра ушла к мосту. Рута заперла дверь и погасила лампы, оставив одну над чертежом.

Корни под бумагой продолжали медленно ветвиться. Они не строили квартал. Пока только учились удерживать рядом разные требования, не превращая одно из них в приказ для остальных.

Лада надела печать, но впервые её вес не казался доказательством права.

Это был долг объяснить, кому и когда она собирается её передать.

Глава 6. Приказ о закрытом саде

К рассвету дождь кончился, но город ещё не решил, что с этим делать.

Вода стояла в желобах, срывалась с лип редкими тяжёлыми каплями и собиралась в низинах будущего квартала. За ночь белые корешки под чертежом чайной успели окрепнуть. Нева перенесла лист в садовую мастерскую вместе со столешницей: Рута согласилась отдать доску до вечера, если ей вернут её без земли, трещин и «следов государственного размышления».

Теперь столешница лежала на козлах посреди рабочего зала. Корни прошили бумагу только там, где рядом стояли имена и требования. Между узлами оставались пустоты, похожие на незастроенные дворы.

Лада обошла стол кругом и отметила в журнале утолщение возле пометки Орины о водоводе. Ночью нить была тоньше волоса. К утру она стала плотной, как шнурок на печати.

— Оно растёт без команды, — сказала Нева.

Она сидела у окна, переписывая вчерашние условия в новый реестр. Перед ней стояли три чернильницы: чёрная для сказанного, зелёная для проверенного и красная для отозванного согласия. Красная пока оставалась закрытой.

— Не совсем без команды, — ответила Лада. — Я велела саду остановить прежний посев.

— Ты не задавала новую форму.

— Возможно, остановка и есть форма.

Нева отложила перо.

— Осторожнее. Если Совет услышит эту фразу, к обеду у нас появится положение о тридцати двух допустимых видах остановки.

Лада улыбнулась, но напряжение не ушло. Печать под воротом была холодной с тех пор, как она покинула чайную. Обычно бронза отзывалась на близость пригодной почвы, на узнаваемый обломок решения, даже на хорошо составленный план. Сегодня знак словно ждал, когда его владелица передумает.

Из-за окна донёсся один длинный удар сигнального колокола, затем два коротких.

Нева вскочила так резко, что опрокинула пустую чашку.

— Открыли полосу.

Они выбежали на галерею. Отсюда мост был виден между крышами: мокрая светлая дуга над рекой, по которой медленно двигалась вереница людей. Впереди шла Мила со свёртком рабочего фартука под мышкой. За ней катили две тележки с мешками, потом Рута в жёлтом дождевике держала поднятым сигнальный флажок. Даже на расстоянии Лада узнала её хромоту и сердито стиснула перила.

Полоса выдержала.

Не вспыхнула, не покрылась праздничными листьями и не стала обещанием вечного единства. Просто пропустила

людей на работу и товар в чайную. Для Лады это выглядело убедительнее любой церемонии Совета.

На противоположной башне поднялся второй флаг — мостовая служба завершила пробу. Почти сразу за спиной Лады открылась дверь мастерской.

— Садовница Берест? — спросил незнакомый голос.

На пороге стояли двое служащих в серых плащах. Один держал плоский ящик из тёмного дерева, другая — книгу вручения. На их воротниках блестели медные булавки Совета.

Нева тихо закрыла красную чернильницу ладонью.

— Я Лада Берест.

Служащая раскрыла книгу.

— Вам надлежит принять распоряжение председательницы Велены Орс и переданный с ним рабочий знак. Подтвердите имя, звание и целостность личной печати.

Лада назвала себя. Вытащила бронзовый круг из-под рубашки и показала незамкнутую линию улицы. Служащая сверила её с оттиском в книге.

— Личная печать цела. Принятие распоряжения не означает согласия с ним, — отчеканила она. — Отказ от вручения будет отмечен, но не отменит действия документа.

— Удобная предусмотрительность, — заметила Нева.

Служащая посмотрела на неё без неприязни.

— После прошлогоднего спора о лестницах эту фразу велено произносить дословно.

Её спутник поставил ящик на свободный верстак. Дерево было стянуто двумя железными полосами. На крышке лежал красный шнур с узлом председательницы. Нева придвинула книгу реестра и записала время.

Лада развязала узел.

Внутри на сером сукне лежала печать единоличного посева.

Она была больше ладони и тяжелее садового молотка. По ободу шли названия старых кварталов, выращенных до разделения берегов. В центре сходились семь улиц, и каждая упиралась в одно и то же место для большого пальца. Такой печатью не просили землю принять решение. Ею приказывали.

Лада видела этот знак дважды: на выпускном испытании и во время укрепления больничного склона, когда трещина шла быстрее, чем успевали выносить кровати. В обоих случаях рядом стояли трое свидетелей, а основание для применения занимало несколько страниц.

Сейчас под печатью лежал один сложенный лист.

— Почему её принесли сюда? — спросила Лада.

— В распоряжении сказано, — ответил служащий.

Она развернула бумагу.

Совет признавал будущий квартал объектом срочного городского сохранения. Все ранее собранные требования объявлялись совещательными. Ладе предписывалось до полудня следующего дня выбрать единую схему, наложить печать

на корневой круг и начать необратимый посев. Происхождение обломков решений разрешалось установить после завершения работ.

Последний абзац был короче остальных.

В случае отказа Лада Берест отстранялась от городского садоводства до проверки профессиональной пригодности. Личную печать следовало сдать немедленно. Руководство посевом переходило назначенному Советом исполнителю.

Под текстом стояла подпись Велены. Не секретаря, не комиссии — её собственная.

— Она знала, что я потребую согласия, — сказала Лада.

— Вероятно, — ответила служащая. — Мне поручено получить только отметку о вручении.

— А это что? — Нева указала на строку у края листа.

Мелким письмом там было добавлено: закрыть доступ в сад для лиц без служебного допуска до начала посева.

Лада перечитала строку дважды.

— Будущие жительницы не смогут прийти на участок?

— После регистрации распоряжения — нет.

— Реестр останется здесь.

— Документ не содержит требования изъять записи.

Нева уже подняла книгу со стола.

— Как предусмотрительно.

— Мне жаль, — тихо сказала служащая, и впервые её голос перестал быть частью формы. — Но через четверть часа у ворот сменят замок.

Лада расписалась за получение. Нева поставила рядом свидетельскую подпись и добавила: «С содержанием не согласна; согласия на использование именных решений нет». Служащая не возразила.

Когда серые плащи исчезли за дверью, печать единоличного посева осталась на верстаке. Она не светилась и не угрожала. В этом было самое страшное. Обычный инструмент, сделанный хорошими мастерами для тех редких минут, когда промедление действительно убивало, ждал чужой руки и удобного объяснения.

— Унесём реестр к Руте, — сказала Нева. — И корневой лист тоже.

— Если вынести его сейчас, Совет назовёт это сокрытием материала.

— Если оставить, назначенный исполнитель назовёт его бесхозным.

Лада провела пальцем над корнями, не касаясь их. Каждый узел хранил не само решение, а связь между условием и человеком, который согласился его обсуждать. Без имён рисунок превратился бы в ещё одну красивую схему.

— Сделай заверенную копию, — сказала она. — Оригинал реестра заberi. Лист оставим до смены замка. На обороте перечислим ограничения: не пересаживать, не отделять узлы, не считать рост согласием на посев.

— Ты собираешься подчиниться закрытию сада?

— Я собираюсь не дарить им повод объявить каждую на-

шу запись недействительной.

— Это не ответ.

— Потому что у меня пока нет ответа.

Слова отдались в пустой мастерской неприятно ясно.

Нева смотрела на неё несколько долгих секунд, потом кивнула.

— Хорошо. До полудня у тебя нет ответа. Я именно это и запишу.

Она не стала утешать Ладу и не предложила решить за неё. Вместо этого вытащила чистые листы, положила под копирующую траву и начала переносить реестр.

Лада взяла тяжёлую печать. Металл был холоден, но земля под полом отозвалась сразу: где-то в глубине прошёл низкий скрип, будто весь участок повернулся во сне. Семь линий в центре печати потемнели.

Ей достаточно было выбрать одну из старых схем. Нижние этажи, усиленный водовод, общий двор с воротами. Она могла включить большую часть вчерашних требований, объяснить остальные сроком и безопасностью, сохранить профессию и остаться рядом, чтобы исправлять последствия.

Если печать заберут, её место займёт человек, который даже не слышал Дею, Орину, Милу и Весу.

Так выглядела самая прочная ловушка: подчинение можно было назвать заботой.

У ворот звякнули ключи.

Новый замок установили двое садовых сторожей, которых

Лада знала много лет. Старшая, Тая, учила её привязывать молодые стены к ветровым кольям. Сегодня она не подняла глаз.

— До отдельного распоряжения вход по этому жетону, — сказала Тая и положила на порог один медный кружок.

— У меня трое помощников.

— В списке один допуск.

— Нева ведёт семенной реестр.

— Я умею читать приказ, Лада.

— Тогда прочитай вслух, по какой причине хранительница происхождения решений должна уйти.

Тая сжала связку ключей.

— Не заставляй меня придумывать им причину.

Лада забрала жетон. Нева вынесла книги и копирующую траву. На пороге она обернулась к корневому листу.

— Я буду в чайной. К полудню соберу три схемы настолько, насколько смогу без доступа к саду. Если решишь ставить печать, сначала приди и скажи это тем, чьи имена здесь записаны.

— Совет запретил им вход.

— Чайную он пока не закрыл.

Нева ушла, прижав реестр к груди. Тая заперла ворота снаружи. Лада осталась одна на участке, на который ей позволяли войти именно потому, что от неё требовали перестать считать его общим.

Она отнесла печать в корневую палату.

Под круглым стеклянным полом сходились старые жилы города. Между ними были разложены отобранные обломки решений: тёплые кусочки камня, дерева, стекла и обожжённой глины. Каждый когда-то принадлежал мгновению, в котором человек выбрал одну дорогу, а другая не исчезла до конца. Садовники умели давать таким остаткам новую работу. Слишком долго они не спрашивали, означает ли умение право.

Обломок решения основателей лежал отдельно, в сетчатой коробке. Он был похож на две сросшиеся речные гальки. Если вложить его в центральную борозду и прижать большой печатью, квартал получил бы старое намерение не делить долину. Сильное основание. Красивое. Чужое.

Лада поставила ящик с печатью у стены и села прямо на пол.

Через стекло было видно, как корни тянутся к центру, но не пересекают пустой круг. Земля ждала. В школе ожидание сада учили считать недостатком данных. Теперь Лада подумала, что это могло быть вежливостью.

Она достала рабочий журнал и разделила страницу на двое.

Слева написала: «Поставить печать».

Под этим: сохранить допуск; не отдать участок чужому исполнителю; начать дома вовремя; получить возможность исправлять план изнутри.

Справа: «Отказаться».

Потерять профессию; передать участок назначенному исполнителю; сорвать срок; сохранить возможность оспорить использование решений; не выдавать приказ за согласие.

В обеих колонках люди могли остаться без жилья.

Дверь корневой палаты открылась без стука.

Лада поднялась. В проходе стояла Велена Орс.

Председательница пришла без свиты, в тёмно-зелёном дорожном платье и сухих сапогах. Значит, её доставили служебным экипажем прямо к внутренним воротам. Серебро в её волосах было собрано простой заколкой; на запястье вместо украшения висел измерительный шнур.

— Хорошо, что ты не заставила меня искать печать в чайной, — сказала Велена.

— Реестр как раз там.

— Реестр мне не нужен.

— Поэтому вы закрыли сад для тех, о ком он составлен?

Велена подошла к стеклянному полу. Корни под её шагами не изменили направления.

— Я закрыла опасный участок перед необратимым посевом. Это обычный порядок.

— Обычный порядок начинается после утверждения схемы.

— У нас нет времени на обычный порядок.

— Три дня назначили вы.

— А разрыв назначила не я.

Она присела возле сетчатой коробки и осмотрела сросши-

еся гальки, не касаясь их.

— Сегодня утром мост пропустил незаявленный рабочий поток, — продолжила Велена. — Каменный Берег считает это нарушением соглашения. Их Совет требует закрыть переправу до расследования. Если мост закроется, у нас останется запас извести на шесть дней, лечебного стекла — на четыре. Переселенки ещё месяц будут жить по чужим комнатам и складам. Ты предлагаешь им обсуждать ширину двора.

— Они предлагают. Я наконец слушаю.

— Ты всегда слушала.

— Пока ответ помещался в готовый план.

Велена выпрямилась.

— Не превращай профессиональное сомнение в добродетель. Город платит садовникам за решение задач с неполными сведениями.

— Не за присвоение чужих решений.

— Происхождение обломка будет установлено.

— После того как вернуть его станет нельзя.

— Если найдётся наследник, он получит возмещение.

Лада посмотрела на гальки. Непрожитое решение не было мешком зерна, который можно оплатить по весу. Иногда человек всю жизнь строил себя вокруг дороги, по которой не пошёл. Иногда наследники даже не знали, что она существовала.

— А если он не согласится?

— Квартал уже будет стоять.

— Именно.

Велена сняла с запястья измерительный шнур и проверила расстояние от центральной борозды до ближайшей жилы. Привычное движение выдало усталость лучше лица.

— Когда обрушился больничный склон, — сказала она, — ты поставила временную печать, не спрашивая сорок семь пациентов, согласны ли они с формой подпорной стены.

— Склон падал в ту минуту.

— Город тоже может падать медленно. От этого людям под камнями не легче.

Лада знала силу этого довода. Велена не была чиновницей, которая видела землю только на картах. До Совета она двадцать лет выращивала водные сады. На её руках до сих пор оставались белые рубцы от щёлочного корня.

— Тогда покажите мне расчёт, — сказала Лада. — Не срок из распоряжения. Точку, после которой квартал нельзя обсуждать ещё день.

— Такую точку узнают, когда проходят её.

— Значит, вы просите меня обменять чужое согласие на ваш страх опоздать.

— На мой опыт.

— Опыт можно проверить.

Велена медленно намотала шнур на запястье.

— Я выбрала тебя потому, что ты умеешь не прятаться за процедурой.

— А теперь грозите лишить профессии, потому что я не

прячусь за срочностью.

— Я сообщаю последствия. Если ты не можешь выполнить работу, её выполнит другой.

Лада почувствовала, как личная печать под воротом стала тяжёлой. Не горячий — будто бронза уже принадлежала не ей и только ждала, когда шнур перережут.

— Кто?

Велена не ответила сразу.

Этого оказалось достаточно.

— Вы ещё не нашли исполнителя, — сказала Лада.

— Найду.

— До полудня завтра?

— Найду того, кто понимает разницу между властью и ответственностью.

— Я как раз начала её понимать.

На этот раз Велена отвела взгляд. Под стеклом один корень коснулся края пустого круга и остановился.

— До заката можешь вернуть большую печать нераспечатанной, — сказала председательница. — Тогда отстранение вступит в силу сразу. Если оставишь её у себя, я буду считать, что ты продолжаешь подготовку посева.

— А если я использую её не по вашей схеме?

— В распоряжении нет моей схемы. Выбор формы оставлен тебе.

Вот где Велена спрятала собственную свободу. Она не приказывала построить плохой квартал. Она только требо-

вала, чтобы Лада одна решила, какое из несовместимых благ станет обязательным для всех.

— Совет получит три варианта и цену каждого, — сказала Лада. — Вместе с реестром условий.

— Совет не собрание жильцов.

— Поэтому выбор не должен принадлежать только ему.

— До полудня, Лада.

Велена ушла. Дверь закрылась мягко, почти заботливо.

Лада осталась у стеклянного круга. В журнале две колонки по-прежнему спорили друг с другом. Она добавила третью.

«Не отдавать решение ни страху Совета, ни своему страху потерять профессию».

Под этой строкой пока было пусто.

К полудню город высох. Через запертые ворота Тая передала Ладе хлеб, сыр и записку Невы: напор в северной ветви оказался выше утреннего расчёта, если прачечная согласится нагревать второй котёл после первой смены. Под запиской стояли подписи Орины и Деи. Не согласие на весь квартал — одно проверенное условие.

Лада занесла его в копию реестра зелёными чернилами.

Потом пришла Рута с мешком чая на плече. Внутрь её не пустили. Она поставила мешок у ворот и потребовала, чтобы Тая расписалась за сохранность.

— Полоса сработала, — крикнула она Ладе через решётку. — Трёх развернули.

— Почему?

— Один сказал, что несёт муку, а вёз мебель. Двое назвали работу, но пошли к торговым рядам. Мост не треснул. Просто вернул их к башне.

— Кто записывал причины?

— Эля. Без имён, как договорились.

Тая кашлянула, напоминая, что разговор у закрытого объекта тоже имеет порядок.

Рута повысила голос:

— И Яру вызвали в управление Каменного Берега. Эля сказала, приказ срочный.

Лада подошла ближе к решётке.

— Когда?

— Сразу после смены. Ушла одна.

На мосту тем временем снова опустили поперечные канаты. Рабочая полоса просуществовала два часа — достаточно, чтобы доказать возможность, и недостаточно, чтобы стать привычкой.

К вечеру Яра вернулась.

Лада увидела её из корневой палаты: синяя куртка двигалась вдоль внешней ограды, пока не остановилась напротив запертых ворот. Тая отказалась впустить её. Яра не спорила, только передала сложенный лист.

— Для садовницы Берест. Служебные сведения, касающиеся совместных работ.

Тая принесла письмо Ладе и осталась ждать у двери.

На листе было всего четыре строки. Управление мостов Каменного Берега предписывало к завтрашнему полудню прекратить все испытания прохода, снять боковые направляющие и подготовить центральную переправу к полному закрытию. Яре поручалось ускорить работы. За отказ следовало отстранение и передача ключей.

Срок совпадал с Ладиным.

Внизу Яра приписала от руки: «Получила. Исполнение не подтверждала. Прошу совместный осмотр до снятия направляющих».

Лада подняла голову.

Яра всё ещё ждала за оградой. Между ними были мокрый участок, закрытые ворота и два приказа, каждый из которых называл разрушение обязанностью.

— Впустите её, — сказала Лада.

Тая покачала головой.

— В списке один допуск.

— Тогда я выйду.

— Если выйдешь, повторный вход сегодня запрещён.

Большая печать лежала в корневой палате. Оставлять её без садовницы было нарушением. Оставаться означало разговаривать через решётку, как будто приказ уже определил границы их общей работы.

Лада закрыла ящик, продела красный шнур в скобы и опечатала узел своей малой печатью. В журнале указала время. Потом сняла рабочий фартук и повесила его на крюк.

— До утра знак останется в запертой палате под вашей охраной, — сказала она Тае. — Я выхожу добровольно. Причина: совместный осмотр моста перед необратимыми действиями.

Тая посмотрела на неё наконец прямо.

— Ты понимаешь, что делаешь?

— Пока только это и понимаю.

За воротами воздух пах рекой и мокрым чаем. Рута уже ушла, забрав мешок. Яра стояла в стороне, не приближаясь, пока Лада не вернула Тае медный жетон.

Замок щёлкнул за спиной.

— Теперь вы не сможете войти до утра, — сказала Яра.

— А вы не сможете начать разбирать направляющие без совместного осмотра.

— Смогу. Мне приказали.

— Начнёте?

Яра посмотрела на мост. На её лице не было красивой решимости, только расчёт человека, который видел слишком много способов обрушить одну конструкцию.

— Если я не начну, утром пришлют другую бригаду.

— Мне сказали то же самое о саде.

Лада протянула ей распоряжение Велены. Яра прочитала, задержалась на строке о происхождении обломков и вернула лист.

— Они согласовали сроки.

— Похоже на то.

— Но не приказы. Ваш Совет требует, чтобы квартал начал расти до закрытия переправы. Мой — чтобы переправа закрылась до нового потока людей.

— Каждый хочет успеть создать необратимый факт.

— Тогда переговоры станут проще.

— Для кого?

— Для тех, кто останется с фактом.

Они пошли к мосту. Вечерний поток пропускали по одной полосе; люди ворчали у канатов, возчики проверяли узлы на тентах, дежурные повторяли временные правила. На боковой арке ещё оставались молодые побег, появившиеся после первой честной доски. К вечеру листья раскрылись и показывали светлую изнанку ветру.

Яра коснулась направляющей ладонью.

— При полном закрытии их снимут первыми. Без них мост перестанет различать встречные намерения и станет одной несущей линией.

— Зачем это нужно?

— Официально — чтобы снизить нагрузку.

— А неофициально?

Яра убрала руку.

— Одна линия проще подчиняется центральной опоре.

Лада ждала продолжения. Яра не дала его.

Та самая несказанная фраза снова присутствовала между ними — не пустотой, а опорой, которую Яра боялась вынуть. Мост под ногами едва заметно укрепился.

— Я не прошу сейчас рассказать всё, — сказала Лада. — Но мне нужно знать, сделает ли закрытие последующее открытие опаснее.

— Да.

— Насколько?

— Я не могу посчитать без доступа к сердцевине.

— У вас есть доступ.

— Пока есть.

Честный ответ не разрушил мост. Доска под их ногами выровнялась, выпуская тонкую зелёную нить вдоль шва.

— Тогда до полудня нам нужен расчёт, — сказала Лада.

— Три варианта для сада. И три для моста: закрытие, сохранение нынешнего режима и ограниченный рабочий проход. С ценой каждого.

— Наши Советы не просили вариантов.

— Жительницы тоже не просили единственного.

— Для расчёта сердцевины мне придётся нарушить пломбу управления.

— Для расчёта сада мне придётся работать снаружи собственного участка.

Яра посмотрела на неё. В серых глазах мелькнуло не восхищение и не согласие — узнавание равной трудности.

— Я не обещаю нарушить пломбу, — сказала она.

— Я не прошу обещания. Назовите, что сделаете сейчас.

— Проверю натяжение боковых направляющих после утренней пробы. Дам вам журналы нагрузки без личных за-

писей путников. До рассвета решу, открывать ли сердцевину.

— А я подготовлю варианты без большой печати и покажу их людям до Совета. До рассвета решу, возвращать ли знак. Мост принял их несовпадение спокойно.

С башни донёлся сигнал конца вечернего прохода. Дежурные натянули канат. Последняя тележка съехала на левый берег, и между городами осталась пустая мокрая дорога.

Яра сняла с пояса связку рабочих ключей. Несколько секунд держала её на раскрытой ладони, словно взвешивала не металл, а завтрашний отказ.

— Если я лишусь допуска, осмотр продолжит Эля, — сказала она. — Я передам ей копии расчётов сегодня.

— Вы ей доверяете?

— В пределах того, на что она согласилась.

Лада вспомнила красную чернильницу Невы. Право отозвать согласие выглядело хрупкой вещью только до тех пор, пока его не приходилось защищать от срочного и полезного приказа.

— В чайной нас ждут, — сказала она. — Нева обещала три схемы.

— Меня туда приглашали только для разговора о мосте.

— Мы будем говорить о мосте.

— И о саде.

— Они уже связаны.

Яра не двинулась.

— Моё присутствие может выглядеть как давление Каменного Берега.

— Тогда останетесь у двери, как вчера. И уйдёте, если кто-то возразит.

— Включая вас?

— Включая меня.

Только после этого Яра кивнула.

Они пошли вдоль закрытой полосы к чайной. Не рядом: между ними оставалось достаточно места для встречного прохожего. Но шаг постепенно совпал.

Позади сад ждал единственного приказа. Впереди мост ждал приказа о закрытии. До полудня обеим предстояло решить, сколько можно потерять, чтобы не назвать чужую покорность спасением.

Впервые Лада не несла этот выбор одна.

И впервые ясно понимала: разделить выбор — не значит разделить вину пополам. Это значит дать другому настоящее право сказать «нет» и всё равно остаться рядом для работы после него.

Глава 7. Тропа несовпадений

В чайной спорили так тихо, будто громкость могла превратить разногласие в проступок.

Нева разложила на длинном столе три листа. На первом квартал рос от водяной башни: надёжно, быстро и без места для прачечной до следующего сезона. На втором начинался с общего двора, зато больничный склон ещё месяц оставался без подпорной стены. На третьем дома появлялись малыми гроздьями вокруг уже проверенных нужд. Этот вариант никого не оставлял совсем без помощи, но требовал каждый день заново согласовывать воду, проходы и тепло.

— То есть хорошего решения у нас нет, — сказала Орина.

— Есть три настоящих, — ответила Лада. — Это не одно и то же.

У двери стояла Яра. Она сняла рабочую куртку, но ключи оставила на поясе и не проходила дальше начерченной мелом черты. Рута поставила перед ней чашку на табурет и объявила, что мел легко стереть, если все присутствующие согласятся. Никто пока не согласился.

— На плане мелкими буквами написано «ограниченный поток», — заметила Дея. — Сколько это людей?

Яра посмотрела на Ладу, спрашивая разрешения ответить не как представитель управления, а как участница разговора.

— По утренним замерам — сорок человек в час в одну

сторону, — сказала она. — Если сохранить боковые направляющие. Двадцать восемь, если люди идут навстречу друг другу. Ноль, если центральную линию закроют и снимут различающие жилы.

— А сколько нам нужно?

— Смотря для чего.

Дея раздражённо отодвинула чашку.

— Для жизни.

— Это не единица измерения, — сказала Яра.

По комнате прошло недовольство. Лада увидела, как Яра сжала большой палец в кулаке. Она не умела смягчать точный ответ и, похоже, не считала это достоинством.

— Для первой смены прачечной нужны двенадцать работниц и две тележки, — вмешалась Орина. — Для рынка — ещё шестеро. Детей сейчас не считаем: школу всё равно не открыли.

— Тогда двадцати восьми хватит, если расписание не будет притворяться свободным проходом, — сказала Яра. — Но встречные тележки придётся развести по времени.

— Значит, вы хотите решать, кому когда идти, — сказала женщина у окна.

— Нет. Я говорю, что мост выдержит. Решать порядок должны те, кто ходит.

Это прозвучало сухо, но мел у носка Яры осыпался, словно невидимый корешок прошёл под половицей. Лада заметила движение. Нева тоже заметила и поставила возле стро-

ки «ограниченный проход» маленькую зелёную точку.

Они обсуждали до полуночи. Не выбрали схему квартала и не должны были выбирать: отсутствовали семьи с больничного склона, ночная смена и люди Каменного Берега. Зато из общих жалоб сложился маршрут, который можно было проверить до рассвета. От чайной — к прачечной, затем через мост к складам и обратно к садовым воротам. Девять участниц с разными целями. Никто не обязан соглашаться с чужой причиной идти. Нужно было только назвать её без украшений и принять последствия.

— Это слишком похоже на испытание людей, — сказала Лада, когда посетительницы разошлись.

— Любой пропуск испытывает людей, — ответила Яра. — Разница в том, знают ли они условие и могут ли отказаться.

— Утром у башни условие знали не все.

— Поэтому троих развернули не по их вине.

— Вы записали это в журнал?

— Эля записала. Я добавила возражение к результату.

Лада подняла глаза от листов. Возражение не отменяло неудобства и не делало Яру союзницей. Но чиновный язык обычно превращал ошибку системы в ошибку путника. Яра оставила её там, где она возникла.

— Покажете журнал?

— Уже принесла.

Из внутреннего кармана Яра вынула тонкую тетрадь. Имена были закрыты бумажными полосками, закреплёнными

съёмным клеем. Видны оставались время, заявленное действие, направление и ответ моста.

Лада перелистнула страницы.

— Вы не переписывали сведения. Закрыли их на оригинале.

— Копия могла бы скрыть исправления.

— А эти полоски можно снять.

— Поэтому журнал останется у меня. Вы смотрите при мне и не касаетесь имён.

Граница была ясной и разумной. Лада почувствовала не обиду, а облегчение.

— Согласна.

Они работали рядом, пока Рута гремела посудой за занавеской и нарочно не предлагала им помощь. Из записей выяснилось, что мост отворачивал путников не за ложные слова сами по себе. Возчик с мебелью говорил, что везёт муку, потому что пропуск на муку выдавали быстрее. Его настоящая цель — доставить кровати в общежитие — совпадала с дорогой, однако названное действие требовало свернуть к мельнице. Мост послушался заявления, а не тайного благого намерения.

Двое других собирались искать работу на торговых рядах, но у башни назвали уже полученное место в прачечной. Они боялись, что неопределённое намерение не пропустят.

— Он не карает нечестность, — сказала Лада. — Он строит путь из того, что ему дали.

— И если слова не совпадают с шагами, путь заканчивается.

— Тогда наше утреннее правило было неправильным. Мы просили людей назвать цель так, будто цель обязана быть уверенной.

Яра провела ногтем по краю тетради.

— Управлению не понравится формулировка «я ещё не знаю».

— Мосту, возможно, понравится.

— Мосты не испытывают симпатий.

— Сады тоже. Но вы вчера назвали побег довольным.

Яра едва заметно усмехнулась. Это было первое выражение на её лице, которое не служило работе, и оно исчезло прежде, чем Лада успела решить, что с ним делать.

За окнами посветлел туман. До срока Советов оставалось меньше шести часов.

У мостовой башни их ждали Нева, Орина, Дея, Эля и ещё четыре человека. Рута пришла последней с двумя корзинами пустых чашек.

— Зачем чашки? — спросила Лада.

— Моя настоящая цель — вернуть их прачкам, — сказала Рута. — Моя дополнительная цель — проверить, способен ли ваш мост пережить хозяйственную деятельность.

— А скрытая?

— Увидеть, как вы обе ошибётесь.

Под первой доской прошёл короткий тёплый толчок. Ли-

стья на боковой направляющей дрогнули, но не почернели.

Эля подняла журнал.

— Записываем только то, что участники разрешили записать. Можно отозвать разрешение до конца пробы. Имена не нужны. Кто не хочет продолжать, остаётся здесь без объяснений.

Молодой грузчик с Каменного Берега поднял руку.

— Я не хочу говорить при всех, зачем иду.

— Тогда можете сказать только действие, которое относится к мосту, — предложила Лада. — Например: «Перенесу ящик на другой берег».

— А если я не скажу, кому?

— Проверим.

Яра покачала головой.

— Не проверим на общей тропе. Если мост решит, что недостающая часть меняет направление, он уведёт всю группу.

— Значит, опять требуется исповедь, — сказал грузчик.

— Нет, — отрезала Яра. — Требуется отделить ваше право на тайну от нашего права не оказаться на ложной дороге. Можно идти следом, когда тропа уже закрепится. Можно выбрать обычную полосу после открытия. Можно отказаться.

Грузчик помолчал.

— Ящик мой. Хочу перенести его к сестре. Что внутри, не скажу.

Доска под ним осталась ровной.

— Достаточно, — сказала Лада.

Они выстроились не колонной, а широкой неровной линией. Лада предложила каждому назвать не убеждение, а действие до следующей развилки.

Орина шла открыть прачечную и считала, что рабочим проходом должны пользоваться прежде торговцев. Дея несла ей расчёт второго котла и считала деление людей по профессиям несправедливым. Рута возвращала чашки и полагала, что обе спорят раньше времени. Нева хотела проверить происхождение семян и не верила, что Совет добровольно откроет записи. Эля намеревалась измерить мост, оставаясь служащей управления, хотя уже сомневалась в приказе о закрытии.

Когда очередь дошла до Яры, туман будто приблизился.

— Я веду испытание, чтобы сохранить ограниченный проход, — сказала она. — И пока не решила, вскрою ли сердцевину против распоряжения управления.

Центральная жила ответила глухим звоном. Не треснула. Не укрепилась.

Лада почувствовала взгляды остальных.

— Я проверяю тропу, чтобы не использовать большую печать единолично, — сказала она. — И боюсь, что называю это принципом, потому что не могу выбрать между плохими вариантами.

Под её ботинком проступила тонкая зелёная линия. Она пошла вперёд, разделилась у ног Орины и Деи, снова соеди-

нилась за ними и потянулась по мосту.

— Это всё? — спросила Рута. — Мы признались в несовершенстве и теперь можем идти?

— Мы назвали действия, — сказала Яра. — Не делайте из конструкции проповедника.

Они ступили на мост.

Первые двадцать шагов тропа держалась одной полосой. Потом Орина ускорила, желая прийти в прачечную раньше Деи и самой объяснить работницам расписание. Дея догнала её.

— Мы договорились показать расчёт вместе.

— Мы договорились донести расчёт. Показывать его умею и я.

— Ты хочешь первой назвать вывод.

— Потому что я отвечаю за смену.

— А женщины отвечают за собственное время.

Они говорили сердито и одновременно шли в одном направлении. Тропа под ними разделилась на две узкие ветви. Обе оставались крепкими.

— Не спорьте на ходу, — потребовала Эля. — По инструкции группа должна сохранять согласованное намерение.

Ветвь под Элей стала мягкой. Не провалилась, но доска прогнулась так, что она схватилась за канат.

Яра мгновенно придержала её за локоть и тут же отпустила.

— Вы согласны на помощь? — спросила она уже после движения.

— Сейчас — да.

Лада подошла ближе.

— Что вы на самом деле хотели сказать?

Эля покраснела.

— Что я боюсь отвечать за пробу, которой нет в инструкции.

Доска выпрямилась.

— А ещё?

— Что их спор не мешает маршруту. Но в журнале это будет выглядеть как потеря управления группой.

На боковой жиле раскрылись два листа.

Яра взяла у Эли журнал и зачеркнула заранее напечатанную строку «отклонение вследствие несогласованных действий».

— Запишите: «различие мнений не изменило заявленных действий». Решение продолжить приняла я.

— Вас и так собираются отстранить.

— Пока не отстранили, подпись моя чего-то стоит.

Они пошли дальше двумя ветвями. Орина и Дея продолжали спорить о расписании, но перестали делать вид, будто спор уже решён. Мост не требовал примирения. Он требовал, чтобы направление не подменяли удобным описанием.

У середины пролёта случилось первое настоящее отторжение.

Старший кладовщик с Каменного Берега заявил у башни, что идёт проверить утреннюю поставку. Теперь он попытался свернуть к служебной лестнице, ведущей в управление. Зелёная линия под ним побелела и поднялась невысоким бортиком.

— Обход справа, — сказал кладовщик слишком бодро.

Справа вырос второй бортик.

— Я только передам записку.

Тропа повернула назад.

— Кому? — спросила Эля.

— Это служебное.

— Тогда вы можете вернуться и выбрать другой способ, — сказала Лада.

Кладовщик посмотрел на Яру.

— Начальница Таль, подтвердите, что мой проход нужен управлению.

— Нужен ли?

— Мне велели сообщить, кто участвует в незаконной пробе.

Несколько человек разом заговорили. Рута поставила корзины, будто готовилась защищать их от обыска. Нева прижала к боку сумку с копиями реестра.

Яра не повысила голоса.

— Мы обещали участникам, что сведения используются для расчёта, а не для взысканий.

— Вы обещали. Я — нет.

— Именно поэтому мост не включает вашу задачу в наш маршрут.

Кладовщик опустил взгляд на побелевшую доску.

— Значит, он решает, какая задача правильная?

— Нет, — сказала Лада. — Он не даёт спрятать одну дорогу внутри другой. Хотите в управление — вернитесь к башне и назовите путь. Но люди смогут отказаться идти с вами.

— И тогда вы скроете нарушение.

— Тогда мы воспользуемся правом не участвовать в доносе, о котором нас не предупредили.

Кладовщик развернулся. Обратная линия легла перед ним гладко. Мост не наказал его и не запер. Он просто отделил его намерение от общего.

Когда мужчина скрылся в тумане, никто некоторое время не двигался.

— Он успеет привести стражу, — сказала Нева.

— Успеет, — ответила Яра.

— Тогда заканчиваем?

Яра посмотрела на участников, но не отдала приказ.

— Каждый решает снова. Условие изменилось.

Орина первой подняла корзину с инструментами.

— Мне всё ещё нужно открыть прачечную.

— А мне — показать расчёт, — сказала Дея. — Вместе с Ориной, если она не присвоит вывод.

— Не присвою. Но скажу первой.

Две ветви под их ногами окрепли.

Остальные тоже назвали решения. Молодой грузчик вернулся: он не хотел, чтобы стража увидела ящик. Эля осталась, потому что незавершённая проба дала бы управлению повод назвать сам принцип опасным. Рута заявила, что чашки не должны страдать из-за политики. Нева призналась, что боится за реестр, но ещё больше — оставить Ладу без свидетелей.

Лада хотела продолжить испытание. Кроме того, она хотела доказать Велене, что существует четвёртый вариант, и это желание было уже не исследованием, а борьбой.

Она назвала оба.

Тропа пропустила её.

Яра осталась последней.

— Я должна закрыть пробу и доложить управлению, — сказала она. Центральная жила под ней потемнела. — Я хочу довести людей до конца маршрута.

Потемнение не исчезло.

— Это два действия, — заметила Лада.

— Они несовместимы только по времени.

Мост молчал.

Яра сняла связку ключей и долго смотрела на самый большой, с синей насечкой.

— До конца маршрута я отвечаю за пробу, — сказала она. — После возвращения передам журнал и приму последствия. Сердцевину вскрыю до передачи ключей.

Зелёная линия появилась не под всем пролётом, а ровно

на один шаг впереди неё.

— Он не уверен, — прошептала Эля.

— Я тоже, — сказала Яра.

Она сделала шаг. Линия продлилась ещё на один.

Так они и прошли середину: не по дороге готового решения, а по тропе, возникавшей под каждым подтверждённым движением.

На Каменном Берегу маршрут разошёлся. Орина и Дея направились к прачечной. Рута — за ними с чашками. Грузчик свернул к дому сестры. Нева осталась у склада проверять метки на ящиках с обломками. Эля закрепила измерительный шнур и отметила время.

Лада и Яра оказались вдвоём у низкой каменной тумбы. Отсюда мост выглядел не единым сооружением, а множеством тонких решений, положенных рядом. Одни доски ещё хранили старую серость. Другие зеленели по краям. Две спорящие ветви Орины и Деи не срослись, но обе дошли до берега.

— Вы знали, что он так может? — спросила Лада.

— Нет.

— Но допустили пробу.

— Я рассчитала нагрузку.

— Я не о нагрузке.

Яра провела ладонью над тумбой, не касаясь камня.

— Я знала, что прежняя инструкция уже даёт неверный результат. Иногда отсутствие правильной схемы не освобож-

дает от проверки следующей.

Это могла бы сказать Велена — и всё же смысл был другим. Велена требовала необратимого решения из-за неполноты сведений. Яра допустила обратимую пробу и заранее назвала её цену.

— Вы хорошо строите мосты, — сказала Лада.

Яра повернулась к ней настороженно, словно похвала была ещё одним условием договора.

— Это наблюдение или попытка повлиять на решение о сердцевине?

Лада почти рассердилась. Потом вспомнила, как сама искала в каждом слове Велены скрытый приказ.

— Наблюдение. Решение остаётся вашим.

— Тогда принимаю.

— Можно просто сказать «спасибо».

— Можно. Спасибо.

У Лады вырвался смех — короткий, усталый и неуместный. Яра снова улыбнулась, на этот раз не успев спрятать улыбку.

Из прачечной донёсся удар медного гонга. Первый котёл начали греть. Через несколько минут ударили дважды: Дея получила время для второго. Они не пришли к согласию о справедливом расписании, но нашли последовательность, которую можно было проверить сегодня.

Эля позвала их к измерительной метке.

Тропа выдержала девять разных намерений, одно скрытое

служебное действие отвернула без травмы, а после изменения условий потребовала повторного согласия. Нагрузка на центральную опору снизилась на одну восьмую, потому что путь распределился между боковыми жилами. В журнале это занимало семь строк.

— Управление скажет, что выбор маршрута передан неподготовленным людям, — сказала Эля.

— А что произошло? — спросила Яра.

— Люди назвали действия. Мост разделил несовместимые ветви. Я измерила результат.

— Так и пишите.

С западной башни показались трое стражников и старший кладовщик. До них было ещё несколько минут.

Яра сняла с пояса ключ с синей насечкой и протянула Эле остальные.

— Передайте управлению. Скажите: ограниченный проход завершён по изменённому протоколу. Журнал представлю после снятия защитных полосок с согласия участников.

— А этот ключ?

— От сердцевины.

— Вы решили?

— Я назвала действие на мосту.

Яра посмотрела на Ладу.

— Пломба находится под третьей опорой. После вскрытия у нас будет около часа до прибытия аварийной бригады.

Лада почувствовала, как время снова пытается стать чу-

жим приказом. До полудня оставалось четыре часа. Большая печать лежала в запертом саду. Велена ждала три варианта, надеясь получить один выбранный. Теперь появился ещё и четвёртый: не форма квартала, а способ выращивать её из честных несовпадений.

— Что вам нужно от меня? — спросила Лада.

— Корни различают напряжения, которые мои приборы считают одинаковыми. Мне нужен ваш взгляд. Но доступ опасен, и я не могу гарантировать, что управление не задержит нас внутри.

— Можно отказаться?

— До того, как я сорву пломбу, — в любой момент. После — выход только через технический ход.

— Тогда сначала покажите ход. И дайте Неве точное время, когда поднимать шум, если мы не выйдем.

Яра кивнула без тени обиды.

Лада посмотрела на две зелёные ветви, дошедшие до прачечной порознь. Профессиональное доверие оказалось не уверенностью, что другой выберет правильно. Оно было знанием, что тебе покажут цену до шага, услышат отказ и не назовут несогласие предательством.

Стражники приближались.

Яра пошла к третьей опоре, не требуя следовать за собой. Лада догнала её после того, как передала Неве время и маршруты.

На этот раз между ними оставалось место не для встреч-

ного прохожего, а для отдельного решения каждой.

Тропа выдержала и это.

Глава 8. Дом из несказанного «нет»

Технический ход начинался не с двери, а с отказа от неё.

Яра отвела Ладу за третью опору, туда, где каменная кладка сходилась с живыми досками моста. На уровне колена тянулась синяя черта. Если смотреть прямо, за ней был только сырой известняк. Если отступить на шаг и признать, что стена не обязана пропускать тебя, проступала узкая ручка.

— Я показываю выход до вскрытия, как вы просили, — сказала Яра. — Изнутри он открывается нажатием на две пластины. Одну не удержать случайно. Вторая отсекает тягу сердцевины.

— А если тяга не отсечётся?

— Тогда мы не выходим через этот ход. Поднимаемся к северному люку и встречаем аварийную бригаду.

— То есть нас задержат.

— Почти наверняка.

Лада провела пальцем рядом с ручкой, не касаясь её. Синяя черта была холоднее утреннего воздуха.

— А сейчас ещё можно уйти?

— Да.

За опорой звякнуло оружие стражников. До площадки им оставалось пройти башню и спуститься по лестнице. Нева стояла у измерительного шнура, демонстративно переписывая отметки Эли на отдельный лист. Увидев взгляд Лады, она

подняла четыре пальца: четыре минуты до времени, после которого следовало поднимать шум.

Лада взялась за ручку.

Стена уступила без скрежета. За ней пахло мокрой глиной, железом и чем-то сладким, как в погребе с перезревшими грушами. Яра пропустила Ладу первой только до порога, затем обошла и показала обе пластины выхода. Одна была медной, другая — из живого дерева. Между ними не хватало ширины ладони.

— Проверим сейчас, — сказала Лада.

Они нажали одновременно. В стене обозначился прямоугольник дневного света.

— Теперь я согласна войти.

Яра кивнула и закрыла ход.

Сердцевина моста оказалась меньше, чем представляла Лада. Она ожидала зал, скрытую мастерскую или хотя бы лестницу к подводным опорам. Вместо этого они стояли в тесном каменном колодце. Через него проходили семь натянутых жил — три серые, две зелёные, янтарная и почти чёрная. На каждой висели металлические бирки с датами ремонтов. Жилы дрожали от шагов наверху, и мост звучал здесь не величественно, а устало: покашливал креплениями, поскрипывал скобами, втягивал туман через щели.

На дальней стене темнела круглая дверца, опечатанная синим воском.

— За ней расчётное гнездо, — сказала Яра. — Пломба

управления и моя личная. Срываю обе. После этого нельзя будет утверждать, что доступ произошёл без моего ведома.

— Вы не оставляете себе удобной версии.

— Удобные версии здесь и так слишком хорошо держат вес.

Яра вставила ключ с синей насечкой. Воск треснул. В ту же секунду чёрная жила натянулась и отозвалась низким звуком, похожим на далёкий колокол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.